НИКОЛАЙ ОМЕЛЮСИК

РЯБИНА У ОКНА

НИКОЛАЙ
ОМЕЛЮСИК

РЯБИНА У ОКНА

ЭТЮДЫ О ПРИРОДЕ

Минск «Полымя» 1989

ББК 20.1
О-57

УДК 502.3

Рецензент — доктор биологических наук | М. С. Долбик |

Оформление В. П. Кускова

Фотографии автора

Омелюсик Н. В.

О-57 Рябина у окна: Этюды о природе.— Мн.: Полымя, 1989.— 175 с.: ил.
ISBN 5-345-00061-1.

Автор, наблюдая живую природу, в привычном открывает много удивительного: и кудрявую красавицу-рябину под окном, и многоголосый птичий базар, и неутомимого лесного доктора, и пестрокрылых бабочек, и черного аиста... Точно подмеченные и лирично описанные сюжеты не только радуют, но и предостерегают: природа беззащитна и нуждается в нашем бережном к ней отношении.

Адресуется широкому кругу читателей.

$О \frac{1502010000-024}{М306(03)-89}$ 16—89 ББК 20.1

ISBN 5-345-00061-1

Есть у каждого на родине
что-нибудь такое дорогое,
такое заветное,
о чем хочется сказать вслух
на весь мир...

М. ПРИШВИН

ГЛОТОК ЖИВОЙ ВОДЫ

Ведь правда хорошо, когда у вашего дома растет дерево и на него прилетают пернатые гости? Прямо из окна можно увидеть тогда много интересного. А сколько разных встреч ожидает в ближайшем лесу, на лугу, у озера, в старом парке! Каждая из них — с малышом-крапивником или великаном-лосем, майским ландышем или березкой — для меня, как глоток живой воды. И не только для меня — для всех, кто любит природу, кого волнуют наши с ней отношения, чье внимание способны привлечь жук, бабочка, лягушка, воробей, заяц, цветок, дерево.

Я не ищу этих встреч за тридевять земель. Неизменно зовут меня места знакомые, родная Березовщина. Брожу с фоторужьем в лесах, окружающих деревушку Ставки, где я родился и вырос, любуюсь лебедями на Черном озере, наблюдаю за цаплями, живущими в вековом парке у деревни Старые Пески, за утками на Белом озере.

Не сомневаюсь, что есть места и красивее наших, но роднее для меня нет. И всюду меня подстерегают

открытия — конечно, не глобального масштаба, но они мне дороги. А потому хочется поделиться ими с кем-то еще.

К сожалению, не все мои наблюдения доставляют радость. Так больно замечать следы потребительского, бесхозяйственного отношения к природе. Отчего это? Ведь в последнее время много говорится и пишется о том, как важно сберечь зеленый наряд планеты, сохранить чистыми реки, моря, озера, не дать погибнуть братьям нашим меньшим. Принимаются законы и постановления, отпускаются огромные средства на охрану окружающей среды. Цель же достигается далеко не всегда. Многие виды животных и растений исчезли безвозвратно, немало их находятся на этой грани.

Я думаю, что варварство (иначе не назовешь) по отношению к природе начинается с малого, формируется еще в детстве. С умилением глядят родители, как их только что научившийся ходить малыш гоняет воробьев. Ах, какой он бойкий, смелый, какой любознательный! Ладно, воробей — не зубр, да и не убудет с него от этого — взлетел на ветку и смотрит с хитрецой на маленького человечка: «Ага, не возьмешь!» Тут важно другое. Сейчас бы ребенку преподать (разумеется, понятным для него языком) первый урок любви ко всему живому. А момент упущен. И будет ли он наверстан?

Малыш подрос. Увидел у товарища киску или собаку, захотел и себе. Любящие папа и мама подарят ему забавного щенка или котенка. Но объяснят

ли, что, беря в дом живое существо, он принимает на себя и ответственность за него? А между тем далеко не всегда любовь к животному движет ребенком, зачастую эгоистичное «хочу». Как же, у другого мальчика или девочки есть, а у меня нет. Хочу и я иметь! И тискает, таскает за собой теплый, ласковый и беззащитный комочек, играет с ним, как с игрушкой, пока не надоест. Малыш не виноват, виноваты мы, взрослые, не объяснившие ему, что за котенком, хомячком, попугайчиком или канарейкой нужно еще и ухаживать, а не только забавляться с ними.

В школе учителя говорят о необходимости бережного отношения к природе. Но не носят ли и эти беседы, и «дни птиц», во время которых ребята развешивают на деревьях скворечники, характера мероприятия — провели и с плеч долой? Не затронули они ребячьего сердца, не проникли в разум. Вот потому-то, выйдя за ворота школы, мальчишка целится из самодельного лука или рогатки в того самого скворца, для которого недавно дом мастерил.

Да и откуда выработаться чувству ответственности за все живое, если чуть ли не на каждом шагу видит детвора со стороны взрослых эгоистически-бездушный взгляд на природу?

Если человек, проезжая мимо березовой рощи, восклицает: «Эх, сколько дров можно заготовить!» (да что восклицает — и рубит, и разводит костры, и подвешивает к стволам бидоны для сока), если он представляет крякву только в виде жаркого и счи-

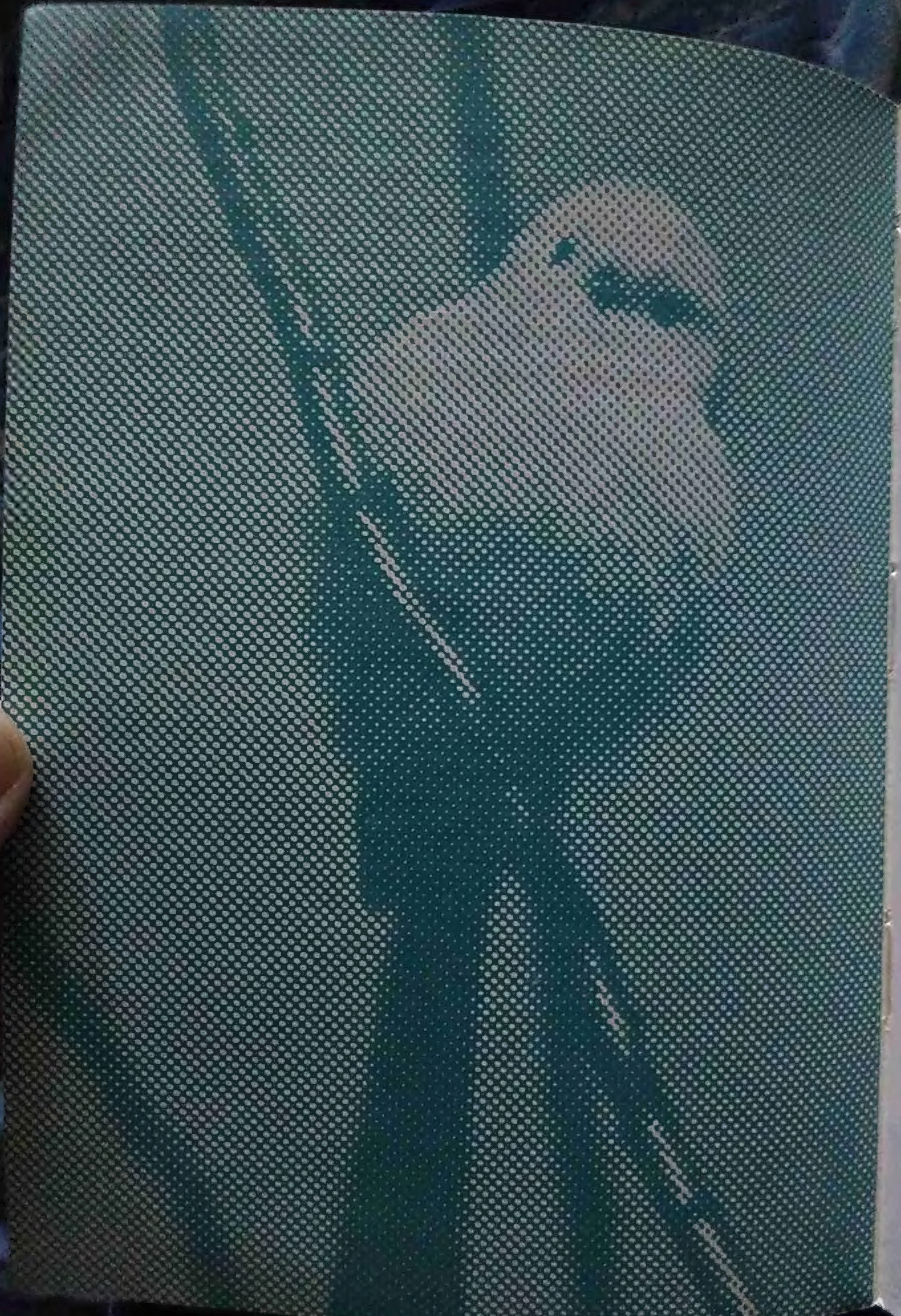
тает, что ландыши, колокольчики, черемуха растут лишь для букетов, а грибы, ягоды — для маринадов и варений,— этот человек потребитель. После таких остаются в лесу перевернутый мох, вырванный с корнем черничник, обломанный малинник, огромные кострища, кучи мусора. Конечно, букет, со вкусом составленный, красив и в вазе. Но зачем же для этого рвать и ломать целые охапки? А ведь нередко их и до дома не довозят, выбрасывают где-нибудь на автобусной остановке. И где уж тут подумать, что жадно, неаккуратно собирая грибы и ягоды, человек наносит вред в первую очередь себе: на следующий год урожай в тех местах будет гораздо меньше.

И еще вот о чем я думаю. Пусть «заготовитель» хвастается, что «закрыл» пятьдесят литров грибов, двадцать — малины. Он — бедняк, потому что не увидел в лесу бисера росы на паутине, не понял красоты привольно растущих цветов и яркой россыпи спелых ягод, не ощутил силу земли в богатырях-боровиках, не заметил, что в березовой роще еще и птицы поют, и листья шумят, и косые лучи солнца, прорезая легкий туман, путаются в резных папоротниках.

Все же я верю, что гораздо больше истинных любителей природы, для которых общение с ней — это отношения без корысти и без причинения ущерба, это живительный глоток, дающий силы и радость жизни. Возможно, найдется кто-то, не замечавший раньше окружающей его красоты (не потребителя я имею в виду, его слепота — от алчности, а пото-

му — хроническая), полистает мою книжку, и появится у человека интерес к природе, сделает он свои первые открытия. На это я очень надеюсь.

Так хочется, чтобы никогда не мутнели родники, из которых мы пьем. Чтобы дарили нам радость журавли. Чтобы звучал в нашей душе веселый перезвон синиц. Чтобы не кончался золотой листопад. Чтобы алела под окном рябина...

ВСТРЕЧА

...Наблюдать птиц и зверей,
видеть тихие воды речек
и скрытную жизнь под пологом леса
мне... было так интересно,
что я могу назвать себя человеком
очень счастливым.

В. ПЕСКОВ

КРИК В НОЧИ

Летучие мыши и совы всегда ассоциировались с тьмой. Жизнь их казалась загадочной, что породило немало суеверий и предрассудков. А загадочной она была потому, что эти животные активны в сумеречное и ночное время. Человек, хотя нередко они живут рядом, не имеет особой возможности наблюдать за ними.

Крик совы многим кажется жутковатым. Особенно, если заухает брачной порой филин — самый крупный представитель наших сов (теперь очень редкий вид, занесенный в Красную книгу БССР). Но птицы не виноваты, что природа наградила их таким голосом. Для них он понятен и, наверное, приятен. Зато как истребители грызунов совы — незаменимые помощники человека.

Однажды, возвращаясь в сумерках с грибами, я имел возможность понаблюдать за этими не так уж часто теперь встречающимися птицами.

Я отошел от леса, перешел поле и подходил к сосновой посадке, когда надо мной бесшумно заскользила сова. Видимо, внимание ее привлекла моя светлая шапочка. Спикировала прямо на нее, а метрах в пяти от головы взмыла вверх и зашла на второй круг. Откуда-то появилась вторая. Поочередно птицы стали атаковать меня, каждый раз сворачивая в сторону у самой головы. Я стоял неподвижно, хотя, честно говоря, было не по себе. Потом моих сов отвлекла третья. Птицы полетали над полем и скрылись.

Когда я подходил к деревне, перекличка сов раздавалась где-то вдали. Верно, крики эти не очень приятны для слуха, но ничего жуткого в них я не услышал — возможно, потому, что только что расстался с птицами вполне миролюбиво.

Ушастая сова

В другой раз, тоже собирая грибы, я увидел на ветке сосны птенцов совы. Они, наверное, впервые вылетели из гнезда и, ослепленные ярким солнечным светом, смешно таращили глаза и крутили головками. Поскольку глаза у сов расположены не сбоку «лица», как у других птиц, а спереди, то для лучшего обзора они могут поворачивать голову чуть ли не вкруговую.

...И еще была у меня встреча с летучей мышью. Раньше мне приходилось видеть этих зверьков из отряда рукокрылых лишь в полете, а тут довелось подержать в руках.

Летучая мышь пристроилась за дверью в тамбуре вагончика-прорабки, где ее и обнаружили. Было начало октября, и зверек находился в состоянии оцепенения. Когда я посадил его на руку, он вцепился коготками, но глазки закрывались, как в дремоте. Интересно было рассматривать маленькое, длиной 5—6 сантиметров, тельце, покрытое бурой шерсткой, мордочку, совсем как у домашней мыши, плотно сложенные вдоль тела крылья, коготки на локтевом суставе. Зверек показался мне очень симпатичным. Я начал согревать его дыханием. Через несколько минут мышь взлетела и начала летать по вагончику. Теперь она не казалась крохотной — размах тонких перепончатых крыльев был около 25 сантиметров. Потом зацепилась за стену, повисла вниз головой, а через некоторое время перебралась в щель над дверью и затихла — снова впала в спячку.

Белорусский зоолог А. Н. Курсков, много лет посвятивший наблюдениям над рукокрылыми, в книге «Живые радары» увлекательно рассказывает о них. Зверьки эти, истребляющие массы ночных насекомых, очень интересуют ученых, и до сих пор нельзя сказать, что основательно изучены. Это единственный отряд в классе млекопитающих, приспособившийся к

полету. Удивителен и своеобразен метод, с помощью которого летучие мыши ориентируются в пространстве,— посылая звуковые импульсы. Эхолокация позволяет зверьку «засечь» предмет диаметром 0,1 миллиметра.

СЛЕД НА ПЕСКЕ

Дамба, намытая земснарядом, шла вдоль Уборти. Сама река петляла где-то слева меж тростников, усыхающих дубов и ольх. В двух километрах за Убортью синел лес — там начинался Припятский заповедник. Справа же, на массиве, отрезанном от реки дамбой, хозяйничали мелиораторы: копали каналы, корчевали деревья и кусты, пахали.

Прилетевшая весной пара журавлей долго держалась на избранном когда-то для гнездования месте, теперь попавшем в зону мелиорации. Но потом, не пожелав постоянно испытывать беспокойство, оставила его. Десятками прилетали из заповедных лесов к осушенным старицам черные аисты за добычей. Не было того дня, чтобы не встретился уж, переползавший через дамбу к Уборти, в спасительные тростники. Не один раз довелось видеть, как утки переводили только что вылупившихся птенцов. Дамба перерéзала извечные тропы лосей, кабанов, косуль. Все они, перебравшись через это, невесть откуда возникшее препятствие, уходили в заповедник.

А уж такого количества следов болотных черепах, да и их самих вряд ли я когда-нибудь еще увижу. Обычно черепаха, греющаяся на берегу или на кочке, при малейшей тревоге уходит в воду. Здесь же, на дамбе, обнаружив свежий след, можно было с легкостью настичь путешественницу. Почувствовавшая

Болотная черепаха,
жительница тихих заводей и стариц

опасность черепаха пряталась под панцирь. Я брал ее в руки, разглядывал, а затем подносил к воде и выпускал. Она какое-то время сидела неподвижно, потом высовывала голову, настороженно осматривалась и, неспеша, продолжала свой путь. Оставался характерный след: по сторонам — от лап, посередине — от хвоста. Достигнув реки, черепаха медленно погружалась на мелководье и уходила на глубину.

Но одна, едва я ее опустил на песок, прямо-таки побежала к воде с необычной для этого животного прытью, так сильно манила ее родная стихия. Можно представить, как несладко живется болотным черепахам у тех «любителей природы», которые держат дома этих древних и редких рептилий.

ГНЕЗДА, ГНЕЗДА

Лет семь назад проходил я вдоль мелиоративного канала и обратил внимание на ласточку, носившуюся вокруг меня с тревожным писком. Так обычно ведет себя птица, когда гнезду ее угрожает какая-то опасность, например кошка подбирается. Но на лугу, в трех километрах от деревни — какое здесь гнездо?

Неподалеку от того места находился колодец, установленный для регулирования стока воды в дренажной системе. Такие колодцы состоят из бетонных колец. В одну стенку введена труба, из другой — выход в канал. Я заглянул внутрь. Кольца стояли неровно: верхнее немного нависало над нижним, образуя карниз. Здесь-то и прилепила птаха свое гнездо, в котором лежали теперь голые птенцы. Было оно в форме полусферы, открытое сверху — такие строят деревенские ласточки. Что заставило птицу поселиться в необычном месте — трудно сказать. Да и по срокам вывода птенцов она явно запоздала. Оставалось пожелать, чтобы пернатая мамаша благополучно вырастила своих детей.

И вот опять я на этом месте. Ласточки по-прежнему живут в колодце. Какое по счету потомство вылетит отсюда? Чем-то понравилось это место птицам...

А серая куропатка построила свое гнездо почти в центре деревни, в трех метрах от забора, за которым размещался пришкольный участок. С другой стороны проходила дорога. Однако птицу не пугали ни голоса ребят, ни люди, идущие по дороге,— крепко сидела она на гнезде.

Когда я захотел сделать снимок, она и не подумала взлететь. Трава, росшая вокруг гнезда, мешала мне. Я протянул руку, чтобы раздвинуть ее,— вот тут уже птица не выдержала и вспорхнула. Ничего не

Скоро вылупятся птенцы

оставалось, как опять замаскировать гнездо и поскорее уйти с чувством вины за причиненное беспокойство. Издавая тревожные крики, куропатка скоро вернулась на гнездо.

На нашем земснаряде, работающем достаточно далеко от деревни, который год в свайном аппарате выводит птенцов скворцы. Нипочем им шум работающих агрегатов и механизмов, грохот лебедки, мало внимания обращают они на людей. И ласточки все пытаются прилепить свои гнезда к корпусу надстройки. Некоторым это удается, хотя в карьере слишком мало ила, а песок, который они таскают, подсохнув, осыпается.

ПТИЧКА-НЕВЕЛИЧКА

Даже не то что невеличка, а совсем крошечная. Но какой вид у нее боевой, залихватский! И все из-за торчащего почти вертикально хвостика. Голос тоже дан ей не по размерам — громкий. Это крапивник, одна из самых мелких наших птиц (лишь королек меньше его). Весит кроха не более 10 граммов. Обитает в захламленных древесными остатками участках леса, зарослях малины, крапивы, за что и получила свое название. Заметишь пичугу в валежнике, и вдруг ее не стало, пропала. Но вовсе она не исчезла, а затаилась, замаскировалась. Потом появится неожиданно и опять порхает в зарослях.

Встреча с забавной птичкой состоялась поздней осенью, в конце октября. До этого мне два-три раза приходилось видеть крапивника, но мельком, всегда он быстро прятался. Теперь же удалось его даже сфотографировать.

Я вышел на опушку, к летнему лагерю для колхозных телят, пустовавшему осенней порой. Проходя мимо загона, увидел, как из крапивы выпорхнула, издав громкую трель, птичка. Крапивник — я его узнал сразу — скрылся в щели пристройки из досок. Приоткрыв дверь, я заглянул внутрь. Птаха, заметив меня, юркнула в ту же щель, присела на миг на жерди, сердито, как мне показалось, подергиваясь всем телом, и спряталась в крапиве. Стоило мне приблизиться, она снова удрала в пристройку. Так я сделал за ней несколько кругов, пытаясь подобраться поближе, но безрезультатно. И тут мне повезло. Когда крапивник укрылся за стоявшим у зарослей пнем, я прыжком преодолел разделявшее нас расстояние и присел, наведя фоторужье на пень. Через какое-то время он мышкой зашуршал в траве, посматривая в

Малыш-крапивник

мою сторону любопытным блестящим глазом. Я терпеливо ждал. Птичка обшарила подножие пенька и взобралась наверх. Сидя на нем, как на пьедестале, она все время подергивалась тельцем, отчего хвостик смешно задирался вверх. Наконец-то мое терпение было вознаграждено — я сделал несколько кадров. Безбоязненно мне попозировав, крапивник убрался восвояси в свою «резиденцию», а я пошел дальше.

Крапивник — птица перелетная, но изредка зимует и у нас. Возможно, и мой знакомый избрал пристройку для зимовья.

НА ОТМЕЛИ

Живет на песчаных отмелях куличок — малый зуек, размером чуть больше воробья. Птаха быстрая, неугомонная. Ну где, кажется, на чистом песке можно спрятаться, укрыться? А зуек на отмелях не только корм добывает, как большинство куликов, но ухитряется и потомство выводить, сделав гнездо в виде ямки.

В один из ветреных дней необычно холодного в том году лета шел я берегом реки. Мое внимание привлек зуек, который с тревожным криком бегал совсем рядом. Похоже, поблизости находились птенцы. Но где же? Вокруг ровный белый песок, только несколько коряг темнеет.

На какой-то миг птица остановилась, и к ней от одной из коряг будто пушинку одуванчика понесло ветром, потом вторую. Подлетели к птице эти пушинки и исчезли, а зуек как-то странно присел. Сделал я в его сторону несколько шагов — не выдержал пернатый, отбежал, ругая меня на своем птичьем языке, а пушинки (да это же птенцы!) покатились в другую сторону и внезапно исчезли, будто испарились. Я осторожно, боясь наступить, шагнул в направлении, где скрылись малыши, и стал внимательно всматриваться в песок. С трудом различил слившегося с ним птенца. Как ловко замаскировался!

Я отступил. Зуек подбежал поближе, а птенцы (их было трое, хотя обычно в выводке четыре) бросились к нему. Тот быстро расправил крылья, подобрал детей под себя, присел и начал их греть, настороженно посматривая на меня темным оком с хорошо заметным желтым ободком. Все-таки близость с человеком смущала птицу, опять она, вскрикивая, побежала, а птенцы на своих тоненьких ножках понеслись следом.

2*

Спрятались! Малый зуек с птенцами

МОЙ КОЛЮЧИЙ ЗНАКОМЫЙ

Ежик только начал познавать мир, поэтому был неосторожен — средь бела дня вылез из зарослей крапивы на тропинку, где я его и увидел. От взрослого он отличался только размером (меньше моего кулака), да еще тем, что сквозь иголки на спинке кое-где просвечивала кожа. Со временем иголок у него прибавится, а пока и те, что есть, колются по-настоящему.

Прятаться малыш не пытался, но, когда я дотронулся до него, свернулся в клубочек и лежал так минут пять. Потом осторожно начал высовывать носик, блеснул глазом в мою сторону, развернулся и

потопал к спасительной крапиве. Его крохотные ножки с пятью пальчиками и смешными пятками выглядели так забавно, что я, засмотревшись, чуть не упустил зверюшку. Когда же догнал ежика у самой крапивы и осторожно сдвинул на тропинку, он не стал сворачиваться. Полежал немного, потом поднял носик, понюхал воздух (тут я сделал снимок) и снова направился к крапиве.

Я увидел на крапиве улитку. Сорвал лист, на котором она сидела, и подсунул под нос ежику. Тот обнюхал, придавил лист лапкой и... съел моллюска. Так скормил я ему их штук пять, и надо сказать расправлялся он с лакомым блюдом очень ловко. Но вот наелся и больше брать не пожелал. Тогда я отпустил малыша. Живи, мой новый знакомый.

На промысел

Хотя у ежа в природе врагов и не много, опасностей все же хватает. Особенно активные ночью, они в поисках питания часто выходят на автострады, где в множестве гибнут под колесами машин.

Моему приятелю повезло — немного помучив ради любопытства, я отпустил его на волю. Но очень часто дети, да и взрослые тоже, берут зверька домой. Не следует этого делать. Хотя еж как будто бы неплохо чувствует себя рядом с человеком, но все же на свободе ему лучше. Там он и пользы больше принесет.

А польза вот какая. Ежи относятся к отряду насекомоядных, то есть основу их питания составляют насекомые, гусеницы, улитки. Кроме того, в рацион входят мышеподобные грызуны, лягушки, змеи (яд гадюки на ежа не действует). Молоко, которым это животное обычно потчуют люди,— не ежиная еда. Пробыв какое-то время в квартире, еж худеет, начинает болеть и в конце концов погибает. Взятый в дом ночной зверек, кроме всего прочего, становится источником беспокойства: он всю ночь напролет бегает по комнате, топает, сопит, мешает спать. Так что лучшее место его обитания, как и любого другого животного,— на свободе, в естественных условиях.

ДОБРЫЙ ДЕНЬ, СИНИЦЫ!

Серенький зимний день. С неба нехотя слетают снежинки. По двору ходят важные, очень черные на свежевыпавшем снегу грачи. Несколько галок затесались среди них. В кустарнике, что растет возле дома, попискивают синицы. Выглядываю в окно. Ба, да это старые знакомые! Во время холодов с полдесятка синиц постоянно держатся у моего окна вместе с чумазыми воробьями. С наступлением оттепелей куда-то

Лазоревка.
Эта синичка нарядна и привлекательна

улетали, а сейчас опять вернулись. Я их постоянно чем-нибудь подкармливаю, помнят, видно. Вон и приметная птаха с искривленным хвостиком. Наверное, в тесном гнезде вырос хвостик загнутым, так и осталась пичуга меченой. Эта или другая, но и прошлой зимой прилетала синичка с таким хвостиком. Была еще одна — совсем куцехвостая, да той что-то не видно, может, погибла где. Птичья жизнь такая.

Беру тыквенные семечки, кукурузные палочки, высыпаю на подоконник. Сам затаиваюсь за шторой. Сначала птахи перелетают с ветки на ветку, с опаской поглядывают на окно. Но вот одна, самая смелая, схватила семечко и вспорхнула на ветку. Потом и та, с кривым хвостиком, уселась на подоконнике. Она

так близко от меня, что могу рассмотреть каждое перышко. Какая красивая и нарядная у нее одежда!

Непроизвольно протягиваю к птичке руку — потрогать, погладить, а она вспорхнула на открытую форточку, заглянула в комнату — «для знакомства» и взлетела на рябину. Отхожу, чтобы не беспокоить больше пернатую компанию. Пусть подкрепится. Ведь до весны так далеко и длинны голодные зимние ночи.

У ЧУЖИХ БЕРЕГОВ

Часто на водоемах можно встретить красивых, гордых птиц — лебедей. Обитают в наших местах в основном шипуны, иногда залетают кликуны. На территории СССР живет еще и тундровый, или малый, лебедь. В Энциклопедии природы Белоруссии сказано, что он «...замечен в ноябре 1925 года на осеннем пролете на озере Палик...» И больше никаких упоминаний о посещении малым лебедем нашей республики нет. Этот вид занесен в Красную книгу СССР, численность его сокращается и в исконных местах обитания — на севере нашей страны. Тем более интересной была для меня встреча с этой редкой птицей. А дело было так.

С наступлением холодов около земснаряда, работавшего на Черном озере, обосновалась стая лебедей-шипунов. Они изредка совершали перелеты на незамерзшее Белое озеро, но постоянно почти в течение всей зимы держались на полынье, образовавшейся у земснаряда.

Как-то среди этих птиц мы увидели лебедя, отличавшегося от них значительно меньшими размерами. Судя по описанию, приведенному в определителе, к нам пожаловал малый тундровый лебедь. Был он

слаб и сильно прихрамывал. Очевидно, в этом и заключалась разгадка его появления здесь: больная птица отбилась от стаи сородичей и пристала к родственникам более дальним.

Так и остался зимовать с надменными шипунами скромный и какой-то беззащитный северный гость. Бросишь хлеб лебедям, стараешься, чтобы упал ближе к залетному. Но пока тот сообразит, что это ему,— шипун уже и выхватил кусок из-под самого его носа. Окунет бедолага клюв в воду, глотнет и плавает с виноватым видом. Держался он поодаль от остальных птиц, подплывал к людям лишь вслед за шипунами.

Кормиться ему вообще было трудно. Если на мелководье шипуны с их длинными шеями легко доста-

Лебединое озеро

вали его клювами, то малому приходилось все время стоять вверх хвостом.

Но постепенно он освоился, стал более доверчивым и подвижным. Почти перестал хромать. За брошенным кормом устремлялся первым. Молодых шипунов иной раз и пощипывал.

Так продержалась птица у чужих берегов зиму. С наступлением тепла лебеди стали разбиваться на пары, совершать полеты над озером. Последний раз я видел тундрового лебедя в конце марта — он летел над озером вместе со всей стаей. И на высоте его легко было узнать по размерам.

Как сложилась его судьба, нашел ли свою стаю, где он сейчас? Лишь фотографии остались на память...

РУКАВИЧКА НА ДЕРЕВЕ

Проплывая под конец мая узкой извилистой протокой с заросшими густым тростником берегами, я заметил на старой одиноко возвышавшейся иве что-то наподобие мешочка, подвешенного на тонкой веточке. Сплетен он был из тонких стебельков и растительного пуха, а сбоку темнело отверстие. Ну конечно же, это гнездо ремеза! Обычно в законченном виде оно напоминает варежку с недовязанным большим пальцем, следовательно, это было еще недостроено. Мне давно хотелось увидеть искусного строителя, понаблюдать за ним. И вот такой случай представился.

Ремез доверчив. Зная это, я загнал лодку в тростники, подготовил фотоаппарат и замер в ожидании. Вскоре послышалось тихое попискивание, а вслед за этим я обнаружил меж листьев небольшую серо-коричневую птичку с черными полосками у глаз. В клювике она держала пучок мягкого пуха. Перепархивая

Непросто построить такое гнездо.
Но ремезу удается

с веточки на веточку, ремез приблизился к гнезду и шмыгнул внутрь. Мешочек слегка покачивался — видимо, пичуга выстилала его пухом. Затем в отверстии показалась головка. Ремез стал клювом заплетать стебельки, торчащие у летка.

Я провел у старой ивы несколько часов. Птичка (а может их было две?) почти не обращала на меня, неподвижно сидящего в лодке, внимания. Она улетала на десять-пятнадцать минут, потом возвращалась со строительным материалом и вновь принималась хлопотать над жилищем. Ремез своим мастерством и терпением поражает каждого, кто увидит его за постройкой гнезда.

К сожалению, этот вид семейства синицевых в Белоруссии встречается редко, преимущественно в Полесье. Но и здесь его численность уменьшается, в основном из-за интенсивного освоения пойм рек. Поэтому ремез занесен в Красную книгу БССР.

...Я побывал на том же месте через несколько дней. На веточке висела почти готовая «рукавичка».

ГОМОН В ОЛЬШАНИКЕ

Как-то осенью мне довелось наблюдать на Черном озере огромное количество серых цапель, подсмотреть много интересных моментов из их жизни. И я проникся симпатией к этим голенастым, длинношеим, очень осторожным и терпеливым птицам, способным часами неподвижно выстаивать в ожидании добычи. Селятся цапли колониями, гнезда делают на деревьях. Где же могло гнездиться такое их количество? Может быть, птицы облюбовали лес за озером?

Оказалось же, что цапли живут совсем рядом с людьми. На берегу Черного озера возле деревни Ста-

рые Цески раскинулся старинный парк — замечательный уголок природы, где раздолье для всяких пернатых. Ольшаник, примыкающий к парку, и привлек цапель. Место это часто заливается водой. Ольхи растут прямые, высокие, без сучьев снизу. Летом под деревьями заросли трав, поднимающихся выше пояса. В них — комариное царство.

Из глубины ольшаника доносятся громкие крики цапель. Иду на них. Вот в просвете деревьев на сухой ольхе замечаю первое гнездо, по размерам чуть больше грачиного. Снизу кажется, что в беспорядке наложены сухие ветки. Из них, как сучки, торчат головы птенцов с желтыми ободками глаз. На соседних зеленых деревьях еще и еще гнезда, на некоторых по два-три. Потревоженные моим появлением, взле-

Не грозит ли опасность? Серая цапля

тают взрослые птицы. Хлопанье крыльев, крики... Птенцы на сухой ольхе замерли как истуканы. Захожу с другой стороны — и они как-то незаметно повернули головы в мою сторону, хотя вроде бы позы не меняли. И все такие же немигающие взгляды желтых глаз...

Пробыл я в колонии больше часа. Насчитал около сотни гнезд. Такое крупное поселение рядом с людьми — не частое явление. Я обратил внимание, что возле своих жилищ даже взрослые цапли не так осторожны, как на озерных плесах. Многие из них продолжали сидеть, даже когда я подходил к самому дереву. То в одном, то в другом конце ольшаника возникал галдеж — это возвращались родители с кормом. Серые силуэты постоянно мелькали на фоне голубого неба в просветах между листвой. Колония жила своей обычной жизнью.

Парк у деревни Старые Пески объявлен памятником природы местного значения. Ольшаник с колонией цапель также представляет собой несомненную ценность, заслуживает внимания и охраны.

ГОЛУБЫЕ И ЗЕЛЕНЫЕ

Апрельский день звенел песнями зябликов, овсянок, жаворонков. И еще какие-то неясные звуки примешивались к птичьим голосам, будто где-то тихо бормотал ручей. Но поблизости, я знал, ручья не было, а вот небольшое болотце с торфяным карьером лежало совсем недалеко, на краю леса. К нему я и направился.

Едва ступил на берег, булькание умолкло, заплескалась, закипела вода под сотнями лягушиных лапок — спешили спрятаться квакушки. Зная, что эти

Квакша, зеленая акробатка

земноводные реагируют лишь на движущиеся предметы, я пригляде́л сухой бугорок у болотца и присел. Через одну-две минуты то здесь, то там на воде начали появляться пучеглазые головки — словно голубые цветы вырастали. Да, именно голубые. Такого цвета наряд надевают в брачный период самцы остромордой лягушки. Через пять минут они опять затянули свою негромкую песню, и было их не меньше сотни.

К лягушкам я отношусь доброжелательно. Многим, наверное, это покажется странным, но мне нравятся вечерние концерты, интересно наблюдать, как кричат, раздувая резонаторы, прудовые лягушки.

Но более симпатичны мне квакши. У этих амфибий красивая ярко-зеленая окраска верхней части тела. Интересны и необычны они тем, что живут пре-

имущественно на деревьях, кустах, высоких травянистых растениях. Свободно лазать по ним помогает животному особое устройство лапок — присоски на концах пальцев. Они хорошо чувствуются, когда посадишь квакшу на руку. Встретив зеленую акробатку (а это случается не часто: охотится она в темное время, днем же отсиживается), я не премину взять ее на руки, рассмотреть. Обязательно сфотографирую, а уж потом отпущу.

...В тот апрельский день долго сидел я на пригорке, любуясь редким зрелищем. Редким потому, что не только голубых и зеленых лягушек, но и других видов земноводных, так нужных природе, становится все меньше.

ТРЯСОГУЗКА-ЛЕДОЛОМКА

Так ее называют в народе, а затем добавляют: «Хвостом лед разбивает». Действительно, скромно одетая, но очень шустрая птичка прилетает к нам ко времени вскрытия водоемов. И увидеть ее чаще всего можно у воды. Узнать белую трясогузку нетрудно: серое с белым оперение, только затылок, зоб, шея, да клюв с лапками черные. Но самое приметное — постоянно дергающийся вверх-вниз хвостик, за который она и получила свое название.

Вот птичка быстро пробежала по краю воды, на секунду вскочила на камень, огляделась туда-сюда, чирикнула и бросилась за комаром — главным своим пропитанием. По волнообразной траектории перелетела на корягу, потом опять пробежала по краю лужи, не побоялась зайти и поглубже. Такая уж непоседа! Пожалуй, сидящей неподвижно трясогузку не увидишь. И хвостик все время в движении.

Белая трясогузка

Песенка у трясогузки коротенькая, очень простая. Услышать ее можно лишь весной. Потом наступает время заботы о потомстве. Удивительна способность этих птиц сооружать гнезда в самых неподходящих местах, притом за очень короткое время. Я знаю не один случай, когда трясогузка селилась под капотом трактора, всего несколько дней простоявшего на ремонте. Часто строит гнезда в штабелях строительных материалов, в нагромождениях камней, хвороста, в поленницах, в корнях поваленных деревьев. Птенцы рождаются безпомощными, но из гнезда выбираются быстро, еще не окрепнув. Кормит их трясогузка исключительно насекомыми. Птенцы весьма прожорливы. Да и взрослая птица съедает очень много.

По образу жизни на белую трясогузку очень похожа желтая, которая прилетает чуть позже. Она так же бегает у воды, подергивая хвостиком, так же доверчива, и так же интересно наблюдать за ней.

ОСТОРОЖНАЯ ОНДАТРА

В наших местах ондатры живут в норах по берегам мелиоративных каналов. Иногда идешь берегом и спугнешь ее. Нырнет зверек — и был таков. Ждешь, пока выплывет, а он покажется метров за сорок. Но тут мне повезло.

Я возвращался из леса. Вышел к каналу. Вижу — плывет в мою сторону ондатра, в зубах пучок зелени буксирует. Я присел, приготовил фоторужье и, лишь только животное поравнялось со мной, сделал кадр. Испугавшись щелчка, ондатра моментально нырнула, только трава осталась на поверхности. Спустя минуты две вынырнула, взяла зелень в зубы и поплыла. Опять фотографирую, и снова все повторяется. Но на этот раз прошло гораздо больше времени, прежде чем голова ныряльщицы высунулась из воды. Причем довольно близко — метрах в пяти. Наблюдаю за ней в видоискатель. Вижу, как моргает глазками, словно в недоумении: что же это ее пугает? Зелень унесло, не пытается ловить. Решила больше не рисковать, нырнула и выплыла — теперь уже далеко...

Бытующее у несведущих людей мнение о том, что ондатра питается почти одной рыбой, неверно. Возможно, какую-то часть рациона зверька рыба и составляет. Но даже зубы у него не хищника, а грызуна. Основной корм ондатры — растения. Несъеденные их остатки часто можно обнаружить на местах жировок. Однажды я видел тропинку, протоптанную

животным от норы в овес на берегу канала. В том пучке, который тащила сфотографированная мной ондатра, был хвощ. Он обильно растет здесь по откосам.

ГОРНОСТАЙ И СОРОКА

Дорога привела нас — меня и двух ребят из нашей бригады — на берег реки. Пригревало майское солнце, синело за камышами озеро, на котором плавала пара лебедей, крякали утки. Аисты, построившие гнездо на опоре линии электропередач, вышагивали по болоту в поисках добычи. В прибрежных ивняках суетились длиннохвостые сороки. Перед нами спокойно текла Жигуляпка.

Кому не знакома балаболка сорока?

3*

На противоположном берегу я увидел прыгавшую сороку — она преследовала горностая, бежавшего с мышью в зубах. Недолго гналась — вскоре отстала. Да горностай и не отдал бы ей свою добычу без боя. Известны случаи нападения этого маленького хищника на глухарей, зайцев. Поиграв на первах у зверька, сорока занялась своими делами, а тот скрылся в кустах.

НА ЗАКАТЕ

Солнце клонилось к горизонту. Я не спеша шел краем леса. Впереди была поляна, с трех сторон окруженная деревьями. С четвертой к ней примыкало ржаное поле.

Остановился. Вдруг вижу — на песчаном холмике сидит лиса. Смотрит прямо на меня. Я же вышел на открытое место и весь на виду у зверя. Осторожно приподнимаю фотоаппарат — далековато. Как же подобраться к рыжей, чтобы сделать снимок? А она сидит, словно ждет. Помогла березка, что стояла почти в створе между нами. Под ее прикрытием начал подходить ближе. Прошел метров двадцать — лиса не выдержала, метнулась в кусты, лишь хвост мелькнул. А следом за ней — незамеченные мною ранее двое лисят.

Подошел я к бугорку, где они сидели. На песке натоптано следов — это лисята игрались, даже норку пытались рыть. Нарушил я их игру своим вторжением.

Решил еще подождать, посмотреть что будет дальше. Отошел под деревья, присел на пень. От комаров отмахиваюсь, но терплю. Солнце уже коснулось леса, скоро нельзя будет фотографировать. Посидел минут двадцать, чувствую — больше не выдержать ко-

марпных атак. Встал, хотел идти, глядь, а из кустов лисенок высунулся, смотрит на меня. Только я шевельнулся, готовясь снимать, он юркнул обратно. Постоял я, послушал звуки предвечернего леса. Представил, как мамаша отчитывает на своем языке детеныша за любопытство: «Я же говорила — он здесь, не ушел», улыбнулся и оставил лисье семейство в покое.

ЛОСИНОЕ ПАСТБИЩЕ

Сколько чудных мгновений дарит охота с фоторужьем! Даже несмотря на то, что далеко не каждый «выстрел» бывает удачным.

Одно из наиболее ярких воспоминаний последнего времени оставила у меня встреча с лосями. Хотя особо интересных снимков я не сделал, но зато смог понаблюдать за этими красивыми, сильными животными. До сих пор стоит перед глазами их стремительный бег по мелколесью.

Проходил я краем небольшого болотца. Впереди с ручья сорвалась пара уток. Кувыркались в воздухе чибисы. Мое внимание привлекло что-то бурое в кустах лозняка на другой стороне болота. Остановился, присмотрелся. Да это же лось! Осторожно, таясь за кустами, подобрался ближе. Теперь ясно вижу: пасется лосиха. Жаль, голова скрыта лозняком. Приготовил фоторужье, сделал еще несколько шагов и свистнул. Лосиха подняла голову, смотрит в мою сторону. Расстояние между нами еще большое, а по открытому месту ближе не подойти. На всякий случай делаю несколько снимков. И вовремя! Лосиха бросила свое массивное тело в сторону, скрылась в кустах.

Рысью по мелколесью

Через день, оказавшись в том же месте, я увидел уже пару лосей. Опять подкрался поближе. Долго любовался, как спокойно пасутся звери, совсем по-коровьи шевеля ушами. Однако, когда я высунулся немного из-за куста, чтобы удобнее было фотографировать, лось сразу же насторожился, а через мгновение только треск стоял в лесу.

ХОТЯ СНИМКИ НЕ УДАЛИСЬ

Март набирает силу. И пусть ночью еще крепки морозы, днем солнце поднимается повыше, пригревает поярче, и вот она — весна!

Небо синее-синее. По полям ходят грачи, ищут поживу. Их карканье — это тоже мелодия весны.

Меня манит дальний лес: окутанные легкой коричневой дымкой березы, мрачноватые даже в эту радостную пору ели, медноствольные сосны, неподвижные, еще не пробудившиеся ольхи, дубы с остатками прошлогодней листвы на ветвях, шелестящей под легкими порывами ветра.

На полях снега нет, только кое-где блестят прихваченные ночным морозцем лужи. А в сосновой посадке он лежит — подтаявший, потемневший. Останавливаюсь на солнцепеке, наблюдаю за шустрой синицей, слушаю ее мелодичное «пинь-пинь». Рядом с нами перезимовала птичка. Может, и эта ко мне на кормушку прилетала...

Лугом подхожу к каналу, иду вдоль берега, слушаю шорох прошлогодней травы под ногами, треск оседающего в канале льда. Настоящего ледохода пока не было, но лед потрескался, обвалился с берегов в канал, повсюду промоины. Ширина канала метра четыре — на ту сторону не перебраться. Больше для меня ничего интересного здесь нет, и я опять сворачиваю к посадке. Не попасть сегодня в лес.

И тут на озимых за каналом замечаю стадо животных. Косули! Целых семь! Средь бела дня пасутся. Они, по-видимому, тоже заметили меня, замерли, а потом подались к лесу.

Интересно бы понаблюдать за ними. Но как перебраться на противоположную сторону канала, ведь до ближайшего моста километра три? Желание мое так велико, что прохожу метров триста в поисках более-менее надежного льда и, рискуя искупаться, перебираюсь через канал.

Косуль не видно. Иду не спеша дорогой. Человеческих следов на ней нет, а вот отпечатков копытцев

на подтаявшей земле множество. Значит, звери здесь кормятся постоянно.

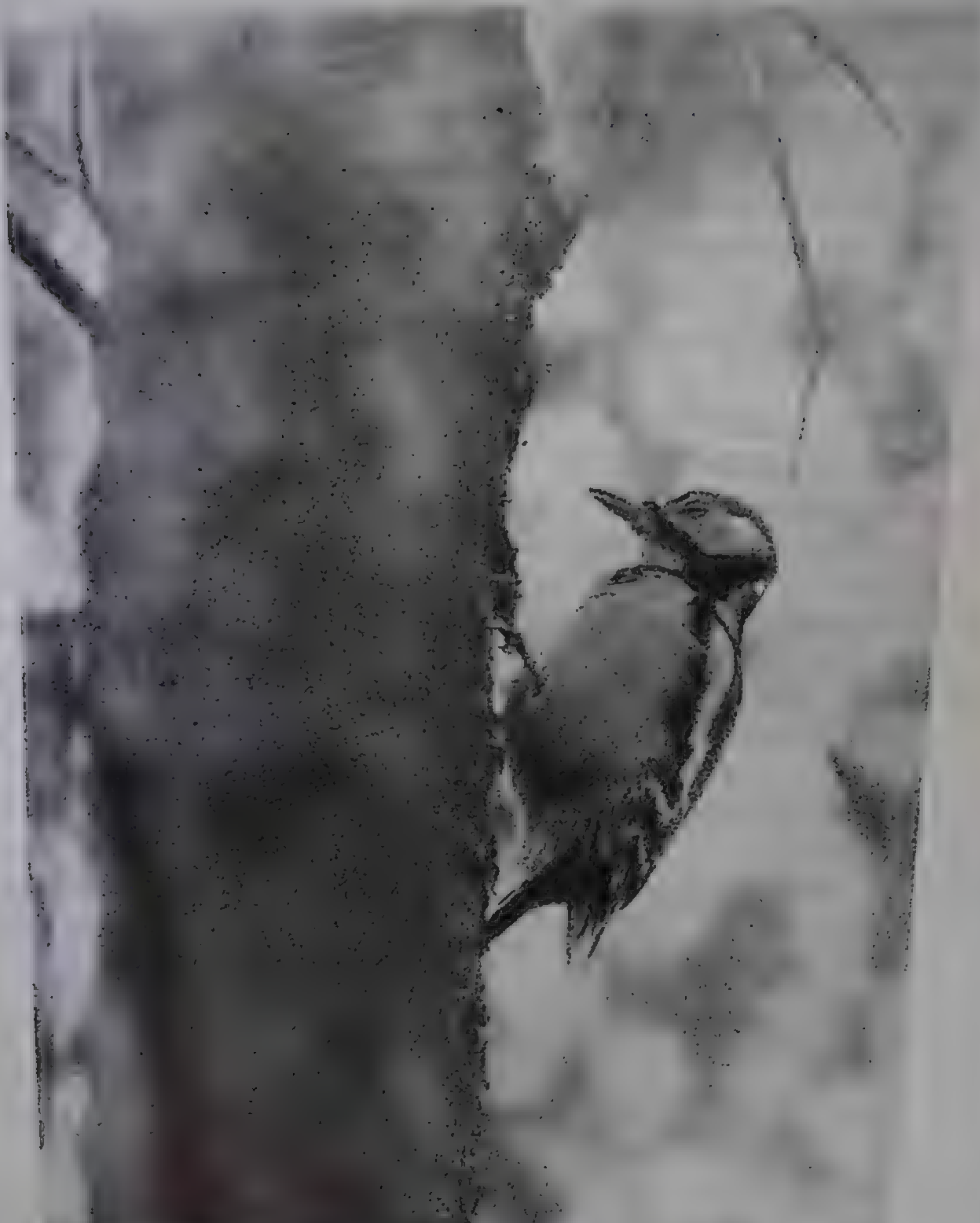
Выхожу на край березового леса и любуюсь белоствольными красавицами, кружевом их ветвей на фоне голубого весеннего неба, делаю несколько снимков.

Поворачиваюсь и вижу, как краем березняка, мыском примыкающего к озимым, в противоположной стороне от того места, где скрылись косули, идут еще три. Я в двухстах метрах от них, а они и не замечают. Заворачиваю в «Зенит» 135-миллиметровый объектив. Спешу наперерез животным, но они сворачивают в лес — почуяли. И все же им придется пересечь дорогу, проходящую через березняк. Скрываясь за деревьями, тороплюсь к тому месту. Вот они, красавицы! Озираясь, по одной, косули переходят дорогу и вдоль березняка движутся к полю. Несколько раз щелкаю затвором, хотя предчувствую, что изображения получатся слишком мелкими. Жалею об оставленном дома фоторужье.

До самого вечера бродил я в тех местах. Садилось солнце, пора было домой. Но так не хотелось уходить. На душе было легко и радостно. От бодрого морозца, от хрустящего наста, от алого заката, от свежего воздуха, от этой встречи, что подарил мне мартовский день.

ЛЕСНОЙ ДОКТОР И ЕГО ПОДРУЧНЫЕ

Августовский лес казался пустым и скучным. Млели в лучах еще горячего солнца сосны, под ногами трещали пересохшие лишайники, опавшая хвоя, тонкие веточки. Около месяца стояла почти тридцатиградусная жара, лишь в последние дни прошли небольшие дожди, мало освежившие землю. О грибах

Хватает у дятла работы

не могло быть и речи. В прежние годы в это время разгар грибного сезона, а нынче долго еще отходить грибнице, даже если и ежедневно будут лить дожди. Обильно уродившая черника быстро перезрела, стоит с дряблыми ягодками и наполовину осыпавшимися листьями. Лишь кое-где вспыхнет алым цветом кисть брусники.

Человеку непосвященному такой лес скучен. Мне же любо в нем всегда: что-нибудь интересное да узнаю, кого-нибудь из лесных жителей да повстречаю. Вот и теперь отправился побродить по замершему в дремоте царству стволов и темно-зеленых крон.

Пахнет разогретой на солнце смолой-живицей. Отдыхает душа от шума и суеты, которыми полна наша жизнь, легко дышится. Неторопливо и незаметно пройден километр, другой. Лес будто вымер...

Но вот слышу попискивание в кронах сосен и шорох сухой коры. Это синицы. Осторожно приближаюсь к ним. Притаился за стволом, наблюдаю. Ну и непоседы! Постоянно они в движении. Но ведь не без толку снуют — выискивают спрятавшихся в расщелинах насекомых. За лето синиц намного прибавилось, ведь птенцов почти все виды этих птиц выводят два раза в год и откладывают около десятка яиц, а иногда и больше. Сколько еды надо!

А вот летят сверху довольно большие куски коры. Такие отколоть вряд ли под силу небольшому клювику синицы. Это трудится птица покрупнее, наверное, дятел. Так и есть, он, лесной врачеватель. До чего увлеченно работает! Синицы же рядом вертятся, подбирают не замеченных им или просто слишком мелких насекомых. Полезное для леса сотрудничество.

Попытался подобраться к дятлу поближе, чтобы сделать снимок. Но синицы меня выдали. От них-то было не укрыться. Заметили, разлетелись в разные

стороны. А обследовавший ствол сосны «доктор» заподозрил неладное и от греха подальше спрятался в кроне дерева. Посидел там, попрыгал, а потом показал настоящий акробатический номер: повис на ветке спинкой вниз, пытаясь сорвать молодую шишку. Сорвать-то сорвал, да не удержал в клюве, упала шишка на землю. Поглядел дятел ей вслед и перелетел на другое дерево.

А у синиц страха не надолго хватило — опять они рядом со мной суетятся, исследуют каждую трещинку, каждую расщелину. Одна села на сучок так близко, что рукой до нее можно дотянуться. Лихорадочно навожу объектив на резкость, делаю шаг назад, а птички уже и нет.

Еще несколько раз я пытался подобраться к дятлу и к его свите, но хороший снимок сделать не удалось. Дятел осторожничал, а синицы не хотели позировать, все время вертелись. Не заметил, как начало вечереть, повеяло прохладой. Улетел на ночлег лесной доктор, и «ассистенты» поднялись в кроны сосен. Близилась звездная августовская ночь.

ТАЕЖНАЯ ГОСТЬЯ

Бурая птица величиной с галку, вся в мелких крапинках по перу сидела, как мне показалось, грустная на лещине. Потом слетела на землю и начала ворошить опавшие листья. Но орехи в тот год не уродили, и она опять взлетела на ветку.

Птицу, за которой я наблюдал, называют кедровкой или ореховкой. Она из семейства вороновых. Тайга — вот обычное ее место обитания. Но в небольшом количестве ореховки гнездятся и в северной части Бе-

Кедровку увидишь не часто

лоруссии. На Полесье же их залеты случайны, в основном во время осенних и зимних кочевок.

Любимый корм птиц в тайге — плоды кедра. В пору созревания шишек они таскают орехи и делают запасы, закапывая их в мох, в лесной сор, в землю. Таким образом ореховки способствуют расселению кедра. Многие жители тайги: птицы, мыши, белки — пользуются этими кладовыми в трудное зимнее время.

В наших лесах ореховки питаются семенами хвойных деревьев, преимущественно ели, ягодами, некоторыми мелкими животными. Но, конечно же, сладчайшее их лакомство — орехи. Потому и встретить этих птиц чаще можно там, где растет лещина. Но мне и в деревне довелось видеть жительницу тайги, редкую нашу гостью.

ПТИЧЬЯ КУТЕРЬМА

В золотую пору устойчивого бабьего лета, каким радует иногда осень, особенно хорошо в деревне. Приятно утром делать что-нибудь во дворе, чувствуя, как лучи поднимающегося солнца ласкают лицо, наблюдать, как тепло сгоняет ночной заморозок. Тишина стоит такая, что слышны полет и падение желтых листьев. На фоне этой тишины очень громкими кажутся чириканье воробьев и пинькание больших синиц.

Вдруг будто вихрь ворвался в спокойствие осеннего дня. С гомоном и писком налетели откуда-то ополовники — длиннохвостые синицы. Не больше десятка их в стайке и голосом громким вроде не могут похвастаться, а сколько шуму наделали! Каждая пичуга издает писк с характерным для ополовников щебетом, и при этом все энергично обследуют ветки, что-

Ополовник, длиннохвостая синица

то склевывают с них. Маленькие, пушистые, со ступеньчатыми хвостиками и темными бусинками глаз, они очень похожи на детские погремушки.

Рядом с ополовниками большая синица кажется даже степенной, и в эту шумную компанию боится затесаться — рядышком держится. На воробья же явно подействовала возникшая вдруг суета — он ворвался в стаю, крутнулся меж синиц, но потом, словно устыдившись своего порыва, спрятался в висящую неподалеку дуплянку. Сидит да поглядывает через леток на суматоху.

Ополовники, тщательно обследовав алычу и яблони, умчались так же неожиданно, как прилетели. Спокойно продолжала осматривать трещины в коре большая синица, отважился вылезть из дуплянки воробей. Октябрьский день набирал силу.

ТАМ, ГДЕ УТКИ ЗИМУЮТ

По заданию Всесоюзного орнитологического общества я проводил наблюдения за птицами, зимовавшими на озере Белом. Несколько дней назад морозы усилились, и бóльшую часть водоема сковал лед. Но у впадения в него сбросных каналов ГРЭС оставались обширные участки чистой воды. На них-то и держались утки.

День был солнечный, морозный, над водой поднимался пар, сильно затруднявший наблюдения. Иногда над озером пролетала чайка, крякали за камышами утки, попискивали в кустах синицы. Северный морозный ветер обжигал, но в затишке за кустами приятно было подставить лицо теплым лучам.

Не спеша продвигаясь вдоль берега и время от

Утиная стая

времени поглядывая в бинокль, следил я за шустрыми длиннохвостыми синицами в молодых сосенках, за стайкой снегирей, теребивших плоды ольхи, за черной желной в алой шапочке, обдиравшей кору с засохшей сосны, за крапивником, выпорхнувшим из-под сплетения обнаженных корней над обрывистым берегом. Птичка со вздернутым хвостиком всем своим озорным, задорным видом словно бы говорила: мне мороз не страшен. Отплыла подальше от берега лысуха, не пожелавшая, заметив человека, подниматься на крыло, а стайка крякв испуганно взлетела.

Сейчас озеро было спокойным, но три дня назад дул ветер, и брызги причудливыми ледяными узорами намерзли на кустах, склоненных над водой. Любуясь ими, я обнаружил, что в одном месте ивы слов

не вырублены. Подошел ближе и сразу определил, что здесь поработали бобры. Своими крепкими резцами они за несколько приемов срезали куст и, разделив на куски, тащили его в воду. На старой осине тоже остались следы бобровых зубов, но дерево не поддалось.

Я хотел пройти еще дальше, но впереди начиналось такое хитросплетение ивовых прутьев и тростника, пригнутых к земле обильным снегопадом, что лезть туда я не рискнул. К тому же солнце уже почти коснулось леса, усиливался мороз — пора было домой.

Я уходил в тепло, а на озере и по его берегам оставались коротать длинную морозную ночь крапивник, утки, синицы, дятел. Возможно, в эту ночь бобры, выйдя на берег, свалят старую осину.

ТЕТЕРЕВА НА ПОЛЕ

Лет двадцать назад тетеревов в наших местах водилось видимо-невидимо. Но после того, как здешние земли подверглись окультуриванию, были осушены и распаханы болота, попало под корчеватели мелколесье, тетерева исчезли. Но вот минувшей зимой в лесу я обратил внимание на следы, похожие на куриные. Удалось и вспугнуть с десяток птиц.

А совсем недавно, в один из мартовских дней, послышалось мне тетеревиное бормотание. Только никак не мог понять, откуда оно доносится. Оказывается, тетерева токовали посреди полей, на сеяных травах. В бинокль хорошо было видно, как, распушив перья, топтались косачи, а рядом сидели тетерки. Подойти к ним ближе по чистому полю не было возможности.

Почему они выбрали для брачных игр не совсем обычные условия? Наверное, кто-то из предков птиц токовал на этом месте, когда оно было болотом...

ВСТРЕЧА

Ветреный апрельский день. На сбросном канале ГРЭС полно рыбаков. Сегодня выходной день, и, соскучившись за зиму по любимому занятию, они буквально облепили берега. Однако хорошего клева нет. Замер сторожок и моей донки, не шелохнется. Скучно, да и холодно становится под резким ветром.

Вдруг сзади, где куст ивы, слышу легкий шорох. Осторожно оборачиваюсь и вижу в метре от себя потешную мордочку с черными бусинками глаз. Это мышка выглядывает из сухой травы, смотрит на меня да на белый свет.

Короткой была наша встреча. Ну, что в ней, казалось бы, такого? Какая-то мышь. А день после этого перестал быть унылым.

ДОВЕРЧИВЫЙ ДЯТЕЛ

Решил я посетить места, где расселились серые цапли,— ольшаник у Старых Песок. Птицы, конечно, давно уже откочевали в теплые края, но осенью, когда на деревьях нет листьев, легко подсчитать их гнезда, узнать, увеличилась ли колония.

Только занялся я подсчетом, как мое внимание отвлек негромкий стук. Это малый пестрый дятел обследовал молоденькую ольху. Я начал подходить, стараясь не спугнуть птичку, но она и не думала уле-

тать, подпустила меня на шесть метров (предел фокусировки телеобъектива), и я сделал несколько снимков. Подошел еще ближе — метра на три, лишь тогда дятел перестал стучать, посмотрел на меня, посидел, словно размышляя, стоит ли бояться этого человека, а потом перелетел на другое дерево. Я — следом, и опять он подпустил меня очень близко. Потом и вовсе перестал обращать на меня внимание. А когда я, увидев на ольхе поползня, переключился на эту птицу, дятел, будто желая вернуть мой интерес к нему, подлетел и уселся в метре от меня — рукой можно было дотронуться.

Ничем не могу объяснить такую доверчивость. Ведь большой пестрый дятел, которого я тоже повстречал в этот день здесь же, ближе пятнадцати метров мне не дал подойти. Впрочем, это почти закономерно — чем мельче птица, тем ближе она подпускает к себе человека.

КАК ЛАСТОЧКИ ГРЕЛИСЬ

По времени пора было быть теплу, но весна задерживалась. Однако все процессы в природе, хотя и в замедленном ритме, шли своим чередом: понемногу распускались деревья, соблюдая извечный порядок, прибывали с мест зимовки птицы. Прилетели и ласточки, хотя их появление мы обычно связываем с настоящей весной (помните: «травка зеленеет, солнышко блестит»).

В одно зябкое, с заморозком, утро мы с друзьями плыли на лодке по Черному озеру. По берегам, на пробившейся кое-где траве, белел иней, невысоко поднявшееся утреннее солнце грело слабо. Перед нами раскинулась синяя гладь, лишь на небольшом остров-

4*

ке слегка зеленели кусты ивы. Проплывая мимо этих кустов, мы обратили внимание, что с солнечной стороны они буквально облеплены ласточками. Около сотни птиц сидели неподвижно, нахохлившись, не обращая внимания на близко проходившую лодку.

Нам более привычно видеть стаи ласточек, расселившихся на проводах. Такие «собрания» они устраивают перед отлетом в теплые края. А вот столько птиц на ветках пришлось видеть впервые. Сам собой напрашивался вывод: ласточки грелись на солнце.

ПОДАРИЛИ РАДОСТЬ ЖУРАВЛИ

Разморенные майским теплом, мы отдыхали на перевернутых лодках у озера. Я увидел крупных птиц, летевших в нашу сторону. Подумал — цапли, но рассмотрел их вытянутые шеи и понял, что ошибся,— цапли в полете шеи втягивают. А когда стая приблизилась, определил: журавли. Их было семеро, летели они совсем невысоко и прямо на нас. Мы, задрав головы, любовались птицами, которых теперь увидишь не так часто. А те, будто приветствуя, прокричали торжественно-грустно, построились маленьким клином, развернулись и взяли курс за озеро, где сохранились еще не тронутые человеком места.

Осталась радость, что есть на земле такие птицы.

МУЗЫКАНТЫ

Один из вечеров в начале осени выдался тихим и теплым. Галдят грачи, кружась над деревней, на свекловичном поле перекликаются куропатки. В са-

Дуэт

ду, в разных его уголках, раздается стрекот кузнечиков. Один заливается где-то рядом, на кусте калины, растущем возле дома.

Взяв фонарик, начинаю поиски. Нашел все-таки! Большой зеленый кузнечик устроился на листке вниз головой и стрекочет вовсю. Смолкнет на несколько секунд — и опять старается. Хотел повнимательнее рассмотреть, как это у него получается, но потревожил. Кузнечик перебрался на другой лист, устроился удобнее — уже вверх головой — и продолжал свои скрипичные упражнения. Со всех сторон слышались звуки его собратьев. Настоящий оркестр.

ПЕТУШКИ-ЗАДИРЫ

Стая куропаток, перекликаясь, опустилась на картофельное поле. Старые птицы замерли настороженно, а молодняк разбежался, склевывая семена сорняков, торчащих там и тут. Вот два петушка что-то не поделили и затеяли драку. Взъерошив перья и подпрыгивая, наседают друг на друга — ну, совсем, как домашние петухи. Наблюдал за ними и от души смеялся: ишь ты, какие драчуны!

ЛЕСНАЯ КАРТИНКА

Августовское, уже не такое жаркое, как в июле, но еще яркое солнце заливает лес. Его отблеск — на всем, что здесь растет. Под ногами то вспыхнет нарядная сыроежка, то зажелтеют, как россыпь золотой листвы, лисички, сверкнет алая ягода брусники. Березы начали по одному осыпать на землю листья.

Где зернышко склюют, где травинку ущипнут, вот и сыты куропатки

Иду медленно, любуюсь красотой родных мест, дышу полной грудью. Время от времени срезаю то темноголовый подберезовик, то в шоколадной шляпке боровик. Попадаются стайки маслят. Кое-где осталась еще на веточках черника.

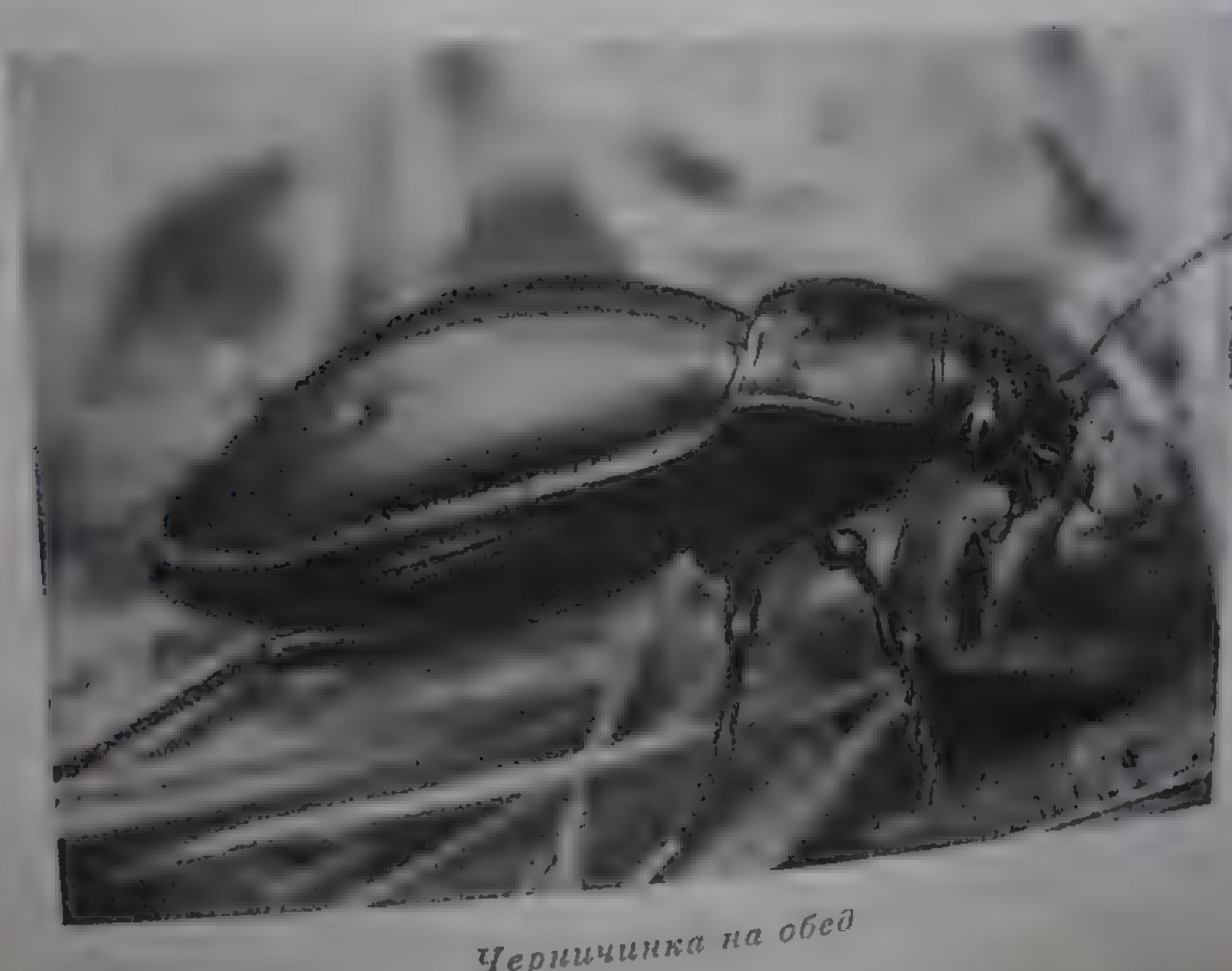
Наклонился, чтобы сорвать несколько перезревших ягод. Приятная кислинка освежила, повеяло ароматом июньского полдня. Еще раз наклонился, да уж и распрямляться не стал, только присел на корточки. А заинтересовало меня вот что.

Упала на землю ягода. Полз лесной жук, наткнулся на нее. Пошевелил усами, попробовал — вкусная! — и впился острыми челюстями. Ягода черники для нас маленькая, а для жука — огромная, всего ра-

за в три меньше его самого. Вот повезло! — думает жук.

Ползут мимо по своим делам муравьи, снуют всякие другие букашки — и покрупнее, и поменьше макового зернышка. У каждой свои заботы, каждая живет своей жизнью, о которой мы так мало знаем. А часто и внимания не обращаем на копошащийся рядом с нами мир насекомых.

Высоко-высоко закаркал ворон. Поднимаю голову: вот он, под самым белым облаком. Легкий ветерок пробегает по вершинам сосен, солнечные лучи пронизывают ветки, и резные листья папоротника в их свете кажутся сказочными.

Черничинка на обед

ЛИСЕНОК

Лисенка поймали в трубе. Рабочие, укладывавшие трубопровод, принесли его в контору. Нашлась металлическая сетка — подобие клетки, куда и поместили зверька. Настороженно смотрел он на людей. А они — каждый норовил подразнить. Огрызался малыш, забивался в угол.

Окончился рабочий день. Забыв о лисенке, все засобирались домой. В конторе остался молодой геодезист Николай. Завозился рыжехвостик в клетке, глядя на человека жалобным взглядом, и не выдержал парень этой безмолвной мольбы. Достал зверька, понес на то место, где он был пойман. А тот доверчиво прижался к куртке, не вырывался, не кусался — сидел смирно. А когда Николай его выпустил, постоял мгновение, как бы не веря освобождению, и метнулся прочь, только хвост сверкнул. Улыбаясь, зашагал обратно лисий спаситель.

ТУМАННЫМ СЕНТЯБРЬСКИМ УТРОМ

Ночью лил дождь, и утро было сумрачное, сырое, с легким туманом. Но я верю в удачу даже в такую погоду и потому вышел на фотоохоту. Был сентябрь — время свадеб оленей и лосей.

Я шел опушкой леса. Где-то вдали подал голос олень-рогач, но в моей стороне было тихо, лишь стук капель по листьям нарушал тишину.

И вдруг совсем рядом раздались стонущие, с придыханием звуки — шел лось. Потом послышался треск сучьев. Я прислонился к одинокой березке, приготовил фоторужье. Из-за пасмурной погоды прихо-

Робкий кадр

дилось снимать с длинной выдержкой, и легкое движение фотоаппарата неминуемо смазало бы изображение. От волнения (да, пожалуй, и от страха — ведь в это время животные становятся агрессивными) руки слегка дрожали.

А лось ломится через мелколесье, и вот уже между деревьями в тумане мелькнул его силуэт. Жду, пока зверь выйдет на опушку, но он (принял меня за соперника?) сразу повернул в мою сторону. Снимаю, перевожу пленку, поправляю резкость, и в этот момент сохатый резко сворачивает обратно в лес. Делаю еще один снимок, но чувствую, что он смазан, лось же скрывается за деревьями. Опускаю фоторужье и перевожу дух. Смотрю на дальномер — тридцать метров. Вот как близко от меня был лесной хозяин.

...На привале рассказал друзьям об этой встрече. Поинтересовались они количеством отростков на рогах лося. Точно ответить я не мог, но, как мне показалось, пять их было. А когда дома проявил пленку, выяснилось, что всего по два — трехлеток, значит, лось. А в тумане он мне показался такой громадиной!

ВЕСЕЛЫЙ ПЕРЕЗВОН

Все началось с простой капели,
И вот уже текут снега,
И зажурчали, зазвенели
Деревья,
Воздух
И луга.

А. ЯШИН

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Солнечным январским днем стою на опушке леса. Тихо. Небо синее-синее. Блестит под солнцем свежевыпавший легкий снежок. Из-за сосен выплывают на небосвод кучевые облака. Даже мрачные ели повеселели. И у меня на душе празднично, светло. В голосе пролетающего над лесом ворона мне слышится радостное: «Март! Март!». А до марта еще почти два месяца.

С весенним настроением в душе живу уже несколько дней.

МАРТОВСКИЙ СНЕГОПАД

Синеет вечер за окном и падает снег. Тихо кружатся снежинки возле уличного фонаря, пушистые и добрые, укрывают землю белой простыней. Не баловала нас зима снегопадами, пусть март теперь постарается...

В какой-то миг в спокойное течение мыслей незаметно входит тревожная нота и начинает звучать все громче. Пытаюсь понять, откуда тревога. Спокойным светом горит лампа, от батареи тянет теплом, пляшут за окном снежинки. Почему нет спокойствия в душе?

Наконец понял. Вчера, когда шел берегом Черного озера, в небе звенели жаворонки, слышался свист утиных крыльев, раздавались крики бекасов. Никогда не подумал бы, что бекасы прилетают в середине марта. Помнится, в моих родных местах, где до осушения болот водились бекасы, эти птицы появлялись, когда весна была в разгаре. А тут смотри какие ранние!

Но удивление было вчера, сегодня — тревога. Сыплет и сыплет за окном снег. Мартовский, совсем неуместный. Ведь где-то на полях, в лесу, на болоте ночуют поспешившие к нам птицы.

НА ВСЕМ ЕЕ ПРИМЕТЫ

Первый весенний месяц приносит оживление в мир природы. В солнечный день взмывает в высоту с робкой еще песней жаворонок. Важно ходят по редким проталинам, поблескивая черным оперением, грачи — выискивают жучков да червячков. На лугах появились хохлатые чибисы. Стаями, изредка пода-

Вот и грачи пожаловали

вая голос, кочуют они по пятачкам оттаявшей земли. Трудно еще, может быть, придется этим птицам, да вот не утерпели — прилетели. Утки, всю зиму державшиеся на промоине стаей, теперь группируются парами, иногда небольшими стайками. Стали бойкими серые воробушки. Сидят, да радуются: «жив-жив».

А в лесу коренным его жителям любо-мило. Корольки в кронах сосен суетятся, весело попискивают. Они и зимой не жаловались на судьбу. Сороки в молодом сосняке подняли трескотню, перелетают с верхушки на верхушку, покачивая хвостами. Радостно каркает ворон, пролетая в высоте. В его торжествующем «кар-р!» слышится мне «ур-р-ра!»

Лисий след в эту пору почти всегда двойной: гон у зверей начался. Зайцы тоже друг за дружкой ходят, а у некоторых и потомство скоро появится. Да от этого забот у косых не прибавится — все равно детей не воспитывают. А вот о шубке побеспокоятся — сменить ее надо. Для лета наряд нужен поскромнее. Наткнешься на заячью лежку, а в ней шерстинки оставил длинноухий — линяет.

Тетерев свой брачный фрак охорашивает. Сидит где-нибудь в мелколесье и бубнит, сам собой любуется: вот я какой удалец, какой молодец! Начнутся тока́, будут краснобровые кавалеры за пестренькую курочку друг у друга перья щипать. Немало пуха останется где-нибудь на лесной опушке. Но пока тетерев хоть куда, тем более что не надо, как в стужу, устраиваясь на ночлег, падать очертя голову в снег, да склевывать с березы почки, да опасаться налета ястреба.

Черный дятел желна орет на весь лес. Он и зимой был криклив, не в пример своему сородичу — пестрому дятлу, втихомолку, сосредоточенно извлекавшему семена из шишек сосны. Дятлы, как и белки, всю зиму почти одной этой пищей кормились.

Звучат над землей птичьи голоса. Еще и морозец может быть, и снежок подсыплет — но это уже весна. Скоро потянутся с юга косяки перелетных птиц, звонко запоют скворцы, в полную силу над полями зазвенят жаворонки, лопнут на деревьях почки. Весна идет!

РАННЯЯ ПЕСЕНКА

Снег, которого изрядно насыпало за зиму, к середине марта сошел лишь частично, на полях. По канавам, у опушек да в лесу он еще лежит: крупнозернистый, грязный, никому не нужный. Не он ли и прилет птиц задержал? Пока лишь по одному-по двое увидишь скворцов, иногда чибисов, изредка рассыпет трель жаворонок.

Лес уже не зимний, но еще и не весенний. И все из-за этого опостылевшего снега. Но вдруг с молодой сосенки слышится задорное «зинь-зинь зинь-си-и-зи-и-и». Это овсянка уселась на верхушке, и в предвечернем заснеженном лесу звучит ее простенькая песенка. Довольно скромная одежда у птички: лимонного цвета грудка, бурые спинка и крылья. И набор звуков в песенке несложный. Но веселее стало в лесу.

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Весна получилась затяжная. Только в конце марта по-настоящему потеплело, прошел небольшой дождь, незаметно исчезли остатки снега, потемнел лед на водоемах. Утром повис обильный туман. И в этой молочной мгле, повинуясь извечному инстинкту и

5 Н. В. Омелюсик

Весенняя песня овсянки

руководствуясь только им известными ориентирами, шли и шли над Черным озером гуси. Косяков видно не было, но с высоты отчетливо слышался гогот.

К обеду солнце разогнало туман. Теперь, в небесной синеве, обнаружились и другие птицы. Стаями, стайками, парами и поодиночке летели они, держа курс на север. Стремительно проносились скворцы и неизвестные мне кулички, неторопливо махали крыльями чибисы. На берег опустилась трясогузка — по народной примете, недолго быть льду. Несколько лысух к нам пожаловало, чайки забелели на потемневшем льду. Над ольшаником заприметил я четыре цапли. Появилось множество других пичуг. На старую ольху присели дрозды — на минутку, о чем-то пострекотали и устремились дальше. Лишь грачи, сороки да серые вороны снуют туда-сюда. Эти ниоткуда не прилетели и никуда не собираются.

На промоину опустилась, скользя на черных лапах, будто на водных лыжах, пара лебедей-шипунов. Те ли это красавцы, что рядом с нами держались всю зиму или другие? Разлетаются, разбиваются птицы на пары. Где северянин — малый тундровый лебедь? Покинет нас с пролетной стаей сородичей или останется? Еще недавно был здесь с шипунами...

Птицы летят и летят. Впереди у них много забот: гнезда, птенцы. А потом опять перелет — в обратном направлении. Но это еще не скоро...

Как все же радостно вот такой порой наблюдать за птичьим великим переселением и приветствовать: «Добро пожаловать, друзья! В каких краях вы побывали?»

...Пишу эти строки в ночной тишине, а за окном слышен крик пролетающей гусиной стаи.

5*

ВЕСЕЛЫЙ ПЕРЕЗВОН

Весенний мартовский день разгорается: поднимается выше солнце, пропадает морозный туман, осыпается с деревьев иней. На солнцепеке зазвенела капель — капля за каплей срывается от наросших за ночь сосулек. И будто вторя мелодии капели, зазвучали птичьи голоса. В чириканье воробьиной стаи вплетается прощальный пересвист снегирей, перекликаются куропатки на озимых. Но больше всех слышны синицы. Такой галдеж устроили, такие коленца выдают! Даже удивленные воробьи приумолкли. А синицы знай стараются.

И весь день стоит по садам развеселый перезвон.

ДО СВИДАНИЯ, СНЕГИРИ!

Утром, завтракая, наблюдаю через окно, как вышагивают по земле грачи, как возятся у скворечника скворцы. На кусте сирени замечаю пару снегирей. Радовали зимой своей красотой и нежными голосами эти птицы, и так не хочется, чтобы они покидали нас. Однако закон природы неумолим, вернутся красногрудые лишь к следующей стуже. Летом же будет много разных других пернатых. Но... пускай бы были и снегири.

ЕЕ ПОРА

Под теплыми лучами солнца ожили первоцветы: желтыми пятнышками на фоне бурой земли светятся цветки мать-и-мачехи, повисли пушистые сережки на

Зацвела ива

кустах лещины, на прогретых лесных [illegible]
клюнулись колокольчики сон-травы.

По низинам же бушует ива. [illegible]
Скромный, невзрачный во все времена года [illegible]
расцветился разнообразием оттенков — [illegible]
золотисто-желтых. Греются на солнце [illegible]
тики», привлекают первых пчел медовым [illegible]
Празднует золушка свой единственный в году [illegible]

ПЕРВЫЕ ГРИБЫ

Апрель не баловал хорошей погодой: [illegible]
холода. Лишь в последних числах пригрело [illegible]
Сразу же зазеленела трава, оживились птицы. [illegible]
примеряться к летнему наряду деревья. [illegible]
тыре дня наступила, по выражению М. М. П[illegible]
«весна зеленой травы».

В первый майский выходной решил: схожу [illegible]
Давненько я его не навещал. Натягиваю [illegible]
деваю куртку, прихватываю на всякий случай [illegible]
зинку и ножик — вдруг появились грибы. [illegible]
в нашем лесу я не встречал, а строчки [illegible]
в путь!

С утра прогромыхала одна из первых гроз, [illegible]
час пасмурно, но тепло. Под ногами зеленый [illegible]
травы, кое-где желтеют одуванчики. В [illegible]
сливы, вишни, груши. Летают над [illegible]
Там и здесь мелькают бабочки, [illegible]
луг грузно опустился аист — берегись, [illegible]
племя! Все равно не смолкают, [illegible]
Взвился ввысь жаворонок со своей песней. [illegible]
бины леса послышалось «ку-ку»...

Молодой березняк миную не задерживаясь, [illegible]
в высокоствольный бор. Здесь, на [illegible]

Почти никакой зелени, лишь тоненькие стрелки травы. В жаркую погоду и она засохнет, только лишайники будут трещать под ногами. А сосны вон какие вымахали!

В таких местах, на прогретых солнцем полянах, надо искать строчки. А вот и гриб, легок на помине. Стоит в громоздкой чалме, греется. Аккуратно срезаю его, кладу в корзину. Очень он хрупок и словно сделан из воска, с легким запахом сырости.

Пройдя метров двадцать, нахожу еще парочку, потом еще, еще. Собирать строчки не то что белые грибы — издалека буреют бесформенные шляпки. Уже десятка два их в корзине. Вот я и с первым в этом году грибным «уловом». Но уходить из леса, наполненного птичьими голосами и неповторимыми весенними запахами, не спешу.

КОЛОКОЛЬЧИК В НЕБЕСАХ

Живет в наших полях и лугах хорошо знакомая каждому птичка — полевой жаворонок. В Белоруссии водятся и другие виды жаворонков: хохлатый, лесной, встречается рогатый. Но именно песни полевого слышим мы чаще всего. Звучать они начинают рано — когда еще лежит снег. Оттого и называют эту серобурую, невзрачную птичку с пятнистым оперением вестником весны. Только-только зачернеют по полям проталины — и вот в солнечное мартовское утро уже звенит незатейливая, но милая сердцу звонкая песня. Будто подвешенный в небесном пространстве серебряный колокольчик забирается все выше и выше — к солнцу и вдруг, не прекращая трели, ринется по наклонной вниз, на землю.

А какую радостную, торжествующую мелодию вы-

водят жаворонки майской порой, в преддверии лета! Прислушаешься — целый хор звенит в вышине. Светит солнце, белыми лебедями проплывают по небу облака, шуршит ветерок в травах, и над всем этим миром и покоем звучит гимн весне.

ОДУВАНЧИКИ

Лужайка, только недавно зазеленевшая, горит желтым цветом. Как будто солнцем залита. Это дружно расцвели одуванчики.

Кажется, ну что за растение — одуванчик, так, сорняк. Но остановите взгляд на лужайке: не правда

Вся лужайка в одуванчиках

ли, глаз радуется? И детвора любит плести венки из одуванчиков. Пожалуй, после только что ушедшей зимы никакое другое растение не цветет так буйно. Потом появятся пестрые ковры цветов, но это еще впереди, а одуванчики — вот они!

Пройдет время — покроется лужайка легкими светлыми шариками. Налетит однажды ветер и понесет парашютики с семенами далеко-далеко, рассеет растение по всей округе. А следующей весной опять зальет лужайку яркий свет множества солнышек.

ПОРА ВОЛНЕНИЙ И ЗАБОТ

Сердечко часто бьет
Сквозь птичьи перья.
Оно полно забот,
Полно доверья.

В. БОКОВ

ПОРА ВОЛНЕНИЙ И ЗАБОТ

У каждого времени года свои приметы. Раннее лето все знают как пору ярких красок с преобладанием зеленых, первых грибов и ягод, обилия тепла и света. И еще это пора, когда в природе происходит важное событие — появление потомства у многих зверей и почти у всех птиц.

Птичьи голоса слышатся все реже и реже — не до песен становится. Да и весной пернатые — как правило, самцы — поют не от беззаботности и радостного восприятия жизни (так иногда думают люди), а для передачи каких-то своих сигналов. Сейчас же у кого в гнездах еще насиживаются яйца, а у кого уже и птенцы вывелись. Ведь птицы не в одно время строят гнезда, разные у них и сроки высиживания (меньше двух недель у мелких воробьиных, больше месяца у крупных хищников), и количество яиц в кладках. Например, у змееяда только одно яйцо, у синиц — больше десятка, а у серой куропатки — больше двадцати. В трудные годы, когда корма мало, некоторые птицы откладывают меньше яиц, в кормные — больше. Неодинаково у разных видов участие родителей в насиживании. Самцы одних — тетеревов, турухтанов, крякв — не принимают ни малейшего участия в заботах о потомстве. У других эти заботы разделяют оба родителя. Есть и такие виды, у которых насиживает яйца и заботится о потомстве самец.

Много кладок погибает. По разным причинам. Разрушаются гнезда хищником, человеком, при производстве каких-либо работ. Птица покидает гнездо, не досидев на яйцах, если ее что-то (или как-то) беспокоит. Не всегда и погода благоприятствует.

Сколько забот и тревог у птиц во время постройки гнезд и насиживания! Но появляются птенцы — и на-

*У гаички те же заботы —
корм для птенцов раздобыть*

ступает еще более хлопотливое время. Если утята с первых дней появления на свет оставляют гнездо, следуют за матерью и сами добывают себе пропитание, то это не значит, что утке с ними легче, чем скворцам, которые, не зная усталости, от зари до зари таскают корм. Характерно, кстати, что почти все мелкие воробьиные, даже зерноядные птицы, выкармливают птенцов насекомыми и их личинками, гусеницами, среди которых масса вредителей полей, садов, лесов.

А к каким только ухищрениям не прибегают птицы, чтобы сберечь потомство! При приближении опасности они возбужденно кричат, прикидываются ранеными, стараясь отвести врага, некоторые броса-

[illegible] самоотверженно защищая гнездо и детей. Чомги же, почуяв угрозу, ныряют вместе с птенцами. Я видел, как птица при приближении лодки нырнула с малышами на спине. Через какое-то время вынырнула — птенцы так же сидели на ней.

Интересно наблюдать за выводками, за развитием детенышей. Но при этом необходимо действовать осторожно, чтобы не причинить птицам беспокойства. Да и вообще надо стараться всюду и всегда оберегать их. Ведь тревог и забот у пернатых хватает.

ПОКА НЕ ОКРЕПЛИ КРЫЛЬЯ

В начале июня вылетели из гнезд молодые скворцы. На краю деревни, у сосновой посадки, собрались и родители, и дети, только что совершившие свои первые вылеты. Благодаря биноклю мне удалось подметить такие детали в поведении птиц, которые не всегда нам заметны. Ведь скворцы, хотя и живут рядом с людьми, в специально построенных для них домиках, все же не любят излишнего интереса к себе, а тем более к своему потомству.

Старых птиц легко было узнать по черному, блестящему оперению, покрытому мелкими крапинками. Молодые же еще не приобрели обычную одежку скворцов и перо имели темно-бурое без всяких крапинок. Поведение родителей и молодежи также различалось. Старые скворцы — само олицетворение деловитости. Они сновали туда-сюда, носили насекомых и червей — кормили детей. А те, еще толком не научившись добывать пропитание, сидели на соснах, на жердях забора и каждый раз, когда рядом появлялся взрослый скворец, с готовностью раскрывали клювы. Если это был родитель, он совал корм и опять спешил

Попытка полета. Деревенские ласточки

за добычей. Но иногда, видно, чтобы отработать у «ребенка» навыки, немного дурачил свое чадо: заставлял его слететь с ветки, подобрать корм с земли, проделать другие упражнения. Щебет стоял несмолкаемый.

Потом несколько скворцов перелетело на ближний огород. Вышагивая по грядкам между кустиками картофеля, томатов, головками капусты, взрослые показывали, как надо собирать корм. Молодые семенили следом, неуверенно подражая их движениям.

Растения они не трогают, и огородники зря обвиняют скворцов. Замечено, что в гнездовой период птицы иногда включают в свой рацион некоторые растения. Но сейчас, когда вылетел первый выводок и у молодняка еще не окрепли крылья, скворцы работали на урожай.

ЕЩЕ НЕ ОСЕНЬ

Проходил по настбищу, вытоптанному и избитому коровами. Еще пять лет назад, до осушения, здесь было болото, на котором водилась бездна птиц. Сейчас же изредка выпорхнет из-под ног жаворонок, да желтая трясогузка качается на кустике бурьяна.

Вдруг впереди заметил десятка два чибисов. Завидев меня, они взлетели и с жалобными «ки-ги» переместились на какое-то расстояние.

Обычно стаи чибисов кочуют поздней осенью, перед отлетом. А в такое время, в начале июня, птицы заняты заботами о потомстве, встречаются парами или, защищая птенцов, носятся над головой — чуть шапку не сшибают. Почему же они собрались в стаю?

Чибис, франт из франтов

А произошло, очевидно, вот что: у птиц по какой-то причине погибли кладки. Ведь все меньше и меньше остается укромных уголков, где могут они беспрепятственно вывести потомство.

Стало мне грустно, и это была не та светлая грусть, какая посещает меня осенью, когда опустевшие поля вот так же оглашают чибисы трогающим душу криком.

У МАЛЕНЬКОЙ ЛУЖИ

Весной здесь все было залито водой. Потом вода сошла, оставив небольшие лужицы, которые постепенно высыхали. Жарким днем на краю одной такой топ-

В жаркий день в луже отсидеться

тилась ворона. Заметив меня, улетела. Подошел и я посмотреть, что интересного увидела там серая разбойница. Следов на иле было много — видно, птицы часто посещают этот малый водоем и похоже не одни вороны. Лужица-то все убывает, глядишь — перепадет что-нибудь съестное.

А обитателям водоема худо. Живет их здесь немало. Вот вынырнула и, раскинув лапки, замерла лягушка. Носятся в светлой, теплой воде черные запятые — головастики. Проскользнула по воде фигуристка-водомерка. На травинке сидит стрекоза — и ее личинки наверняка есть в луже.

Если не пройдут дожди, скоро пересохнет лужа, а ее население и не знает о нависшей беде.

ГРИБНАЯ ПОЭМА

Как-то незаметно лето вошло в полную силу. Буйство трав, симфония запахов, половодье солнечного света. Иногда налетит тучка, оросит землю легким дождем. Вечер же наступит тихий и теплый. Поплывет над лугами туман, повиснет над лесом. Это значит наступила грибная пора.

Так и есть: вездесущие мальчишки уже несут лукошки с грибами. С нетерпением ожидаешь первого же выходного, чтобы самому сделать вылазку в лес. Будильник ставишь на половину пятого. В другой раз можешь и не услышать его трель, но сегодня просыпаешься даже раньше — ведь первый настоящий в этом году поход за грибами. Колосовики, которые собирал в начале июня,— те не в счет.

Быстро собираешься и выходишь из дома. Тихое, немного пасмурное утро. Тишину нарушает крик ко-

Грибное семейство

ростеля где-то за огородом. Чуть-чуть порозовело небо на востоке. Над лесом туман. Колени становятся влажными от росы, на сапоги налипли лепестки цветов, трава, опавшие листья.

У каждого есть свои заветные места в лесу. Мысленно строишь маршрут и входишь в молодой березняк, среди которого темнеют одинокие сосенки да конусы можжевельника. Капельки с листьев и иголок заставляют поеживаться. Пауки развесили свои сети, на них роса, будто бисер, нанизана. Но что там светлеет в вереске под сосенкой? И лезешь к оранжевому подосиновику, или, как его еще называют, красноголовику, не обращая внимания ни на росу, ни на липкую паутину. Вот он, первый твой гриб в этом году! Сколько их еще сегодня положишь в лукошко

6*

и будешь радоваться каждому, но этот — особенный. С него начинается твоя грибная поэма.

Срезаешь. Любуешься оранжевой шляпкой, пестрой ножкой и кладешь в лукошко. Глаза же снова шарят по вереску. Ага, вот еще один! И охватывает тебя охотничий азарт. Потом попадается семейство белых грибов с чуть влажными шляпками.

Волнуйся, грибник, радуйся, но не забывай о лесных правилах. Никогда не вырывай грибы с корнем, не переворачивай вереск, мох, листву. Поднял заинтересовавшую тебя веточку, сделал во мху окошко в поисках спрятавшегося гриба — положи на место, поправь, как было. Срезал гриб — аккуратно прикрой место среза. Ходи по лесу осторожно, не спеша. Кто видел грибницу, тот легко поймет, какого бережного она требует обращения и что с ней будет, когда пройдут десятки горе-грибников, переворачивая все, вырывая грибы и здесь же обрезая их корешки. Хоть и без злого умысла это делает человек, а может основательно подорвать урожай грибов. Придет на следующий год на заветное место, а там лишь изредка встретятся красноголовик или боровик. Будет удивляться, почему в лесу пусто, а виноват-то сам. Даже несъедобные грибы сбивать не следует, пусть растут. Многие из них поедают дикие животные.

...Увлеченный поиском и не заметишь, как взойдет солнце. В деревне загудит на ферме мотор дойки, замычат коровы. Вот прострелил утреннюю тишину «пускач» трактора. За кустами слышны голоса других грибников.

Бродишь по лесу, вновь и вновь замирая от восторга, когда увидишь гриб, красивее тех, которые у тебя в лукошке. А их там уже немало. Пока солнце поднимется, бросив на землю пестрые светотени (грибы тогда плохо заметны), будет полное лукошко. Направишься домой, по пути добавляя в него по одному

красавцу, и будешь жалеть, почему не взял корзину побольше.

Когда же дом наполнит аромат подсыхающих в печи боровиков, еще раз вспомнишь все детали своей грибной поэмы и то, как замирало сердце, когда из зеленого вереска выглядывала темно-коричневая или оранжевая шляпка. Воспоминаний этих хватит до следующего похода.

ПОДАРКИ ДЛЯ БЕЛОК

Никогда не трогаю я мухоморов. Не в смысле: не собираю, а вообще не трогаю, не сбиваю. Ведь до чего красивы они, когда выстроятся в ряд где-нибудь на опушке. Правда, бывает, что хороших грибов мало, а мухоморов — хоть косой коси. Тут уж смотришь на них недобрым глазом. Но я сдерживаюсь — пусть растут, кому-то они в пользу. Лоси, например, поедая мухоморы, избавляются от глистов.

В поисках грибного счастья случаются не всегда приятные сюрпризы. Находишь боровик — красавец из красавцев, а внутри он изрядно попорчен личинками. Я не швыряю его с досадой в кусты. Обидно, конечно, но я вешаю такой гриб на сучок. Пусть висит, может, какая белочка поживится зимой. Правда, до сих пор как-то не удосужился проверить, принимают ли белки мои подарки. Но все равно неподходящие для себя грибы оставляю им: мне это не составляет труда, а зверюшке, возможно, будет подмога в трудное время.

Беличий детеныш

СИНИЧКИНА ПОМОЩЬ

Кажется, это был мой первый в том году поход за грибами. В начале лета нет такого грибного изобилия и разнообразия, как в августе или сентябре. Ходил я неторопливо, внимательно глядел под ноги и радовался каждому подосиновику, подберезовику, даже лисичке.

Но вот мое внимание привлекла бодрая песенка синицы. С чего это она так расчирикалась? Я повернул к березе со сломанной верхушкой — туда, где заливалась птичка. А та порхнула на следующее дерево. Я — за ней. Глядь под ноги — а из травы три красавца-подосиновика выглядывают! Полюбовался я ими, потом аккуратно срезал и положил в корзину — сразу заметно увеличилась моя добыча. Вот спасибо синице — если бы не она, я бы не свернул в ту сторону.

ПРОЩАНИЕ

Таинственно
шумит лесная тишина,
Незримо по лесам
поет и бродит Осень...

И. БУНИН

НА ПОРОГЕ ОСЕНИ

Только первые дни сентября наступили, и погода стоит лучше, чем в иной летний день, но чувствуется приближение настоящей золотой осени. Уж и небо слегка поблекло, и солнце не такое яркое, и воздух другими ароматами пропитан. Замечаешь первые желтые пряди в прическах красавиц-берез. На зеленой еще траве будто кто-то пригоршню разменной монеты рассыпал. Вздрогнешь от неожиданности, чуть не растоптав крепкий молодой подосиновик. Он так замаскировался под березовый листок, что издалека и не различишь.

Сейчас самый большой выбор грибов. Еще растут летние, но не редкость уже и рыжики, зеленушки. Лес наполнен голосами грибников. Не каждому повезет набрать лукошко ядреных боровиков, но с пустыми руками домой никто не возвращается.

Не слышно птичьего гомона, как в майском или июньском лесу. Птенцы подросли и теперь наравне со взрослыми кочуют стайками. Одни скоро отправятся в дальнюю дорогу, другие переберутся в города и села, поближе к людям, синицы например.

Шмели и пчелы собирают мед с цветущего вереска. Не такой уж большой выбор цветов сейчас, надо стараться. Неустанно снуют туда-сюда лесные санитары-муравьи. В затишье негромко стрекочут кузнечики. Сделаешь шаг, а они как брызнут в разные стороны!

Еще впереди золотые дни бабьего лета, ночные заморозки и дневное тепло, запутавшаяся в ветвях паутина и отлет журавлей, вороха листьев под ногами и первый ледок на лужах...

Золото леса

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето. Последнее тепло года. На роще — золотисто-багряное покрывало.

Лежу под старым кленом. Перед глазами причудливый узор — желтые резные листья на фоне голубого неба. За веточку клена зацепилась паутинка, повисла безвольно. Неудачливый воздухоплаватель — паучок сел на мель. Это в воздухе-то! Или отдохнуть решил?

...Бесшумно отрывается от ветки желтый лист, медленно кувыркаясь и кружась, падает на землю. Вот и прожил ты, листок, свое лето, свою жизнь. Весной зашумит на твоем месте молодой, зеленый, что-

бы мог этот клен-великан тянуться еще выше. А пока будет сиротливо стоять старое дерево, грустя под холодными каплями о своем растерянном золоте...

ВЕТРЕНЫЙ ДЕНЬ

Однообразная, мутная пелена застилает небо. Ветер срывает с кленов бурую листву и несет, несет...

Но вот ветер усилился. И закружились между листьями маленькие вертолетики. Десятки, сотни, тысячи вертолетиков бросает старый клен. Весной за десятки и сотни метров отсюда проклюнутся нежные зеленые росточки. Вырастут из них новые могучие деревья...

ЖУРАВЛИНЫЙ КРИК

В один из погожих деньков бабьего лета закурлыкали в небе журавли.

...Сколько таких дней уже было в жизни, а каждый раз по-новому воспринимаешь все это. Другими глазами смотришь вокруг и видишь пустые поля, молодую зелень озимых, фантастические цвета осеннего леса. Сердце наполняет легкая грусть. Острее чувствуешь, какая прекрасная вещь жизнь и как торопится время, которое мы часто так безрассудно тратим на мелочи.

СИНИЧКИ ПОЯВИЛИСЬ

Еще одна из примет осени — в деревне появились синицы. Хотя я в прошлом году и сделал попытку привлечь их в сад — повесил дуплянку и синичник, —

На опушке

однако птицы их не заняли. Синицы гораздо капризнее в отношении жилья, чем, к примеру, скворцы. И летом они по дворам не держались. А сейчас по утрам в наполовину опустевшем саду разносится бодрая песенка.

Пожаловали наши друзья и помощники поближе к человеку — не за горами холода.

ТЕПЛАЯ ОПУШКА

Вот и вторая ночь с заморозком. Утром ледок был на лужах, а на траве — иней. Даже в обеденную пору на северной стороне леса чувствуется холодок. По-

темнели сыроежки да маслята, померзли черные грузди, вылезшие из лесной подстилки.

А на опушке, с южной стороны,— лето, ну от силы ранняя осень. Припекает солнце, летают бабочки, кузнечики настраивают свои инструменты. Шустрый муравей забежал на мою записную книжку — любопытно ему, чем это я занят.

Когда шел сюда, на солнечную опушку меж дубов, шуршала под ногами опавшая листва. Вдыхал ее терпкий запах, поднимал с земли крутобокие желуди. Уродило их в нынешний год! Говорят, к суровой зиме...

ГНЕЗДА ОПУСТЕЛИ

На земле хозяйничает осень. И в лесу, и в поле, и у воды чувствуется ее поступь. Из золотой превратилась она в неуютную, неприветливую, иногда даже злую. Оголила кроны деревьев, отряхнула с них листья и прибила дождями к земле. В обнаженных ветвях зачернели птичьи гнезда. До поры до времени скрывала листва мастерски сделанные постройки, в которых так уютно было горластым птенцам. Летом я пытался обнаружить в кусте лещины гнездо славки, да так и не сумел. Теперь осиротевшее, открытое всем, мокнет оно под осенними дождями. Давно вывели потомство заботливые родители и откочевали вместе с ним в теплые края.

Через полгода вернутся к нам птицы, и опять начнутся их весенние хлопоты. Но сколько еще дождей и метелей прошумит над опустевшими гнездами!

Осенняя графика

ПРОЩАНИЕ

Помнится, как в детстве будоражил душу крик улетающих журавлей. Но в последние годы что-то не видно их. Уменьшается количество этих гордых и красивых птиц.

Но вот недавно, будучи в полесской глубинке, услышал я октябрьским погожим днем печальные трубные крики. Журавли! Где же они? Как ни осматривался по сторонам — не увидел. А когда вгляделся в синеву неба, различил на огромной высоте стаю. Птицы были еле видны, хотя собралось их около сотни. Они кружили, выстраиваясь то треугольником, то бесформенной лентой, а потом опять перестраивались в треугольник. И кричали, кричали.

Стаю относило в сторону — наверное, на высоте был сильный ветер. И вот она исчезла, растаяла. Но какое-то время еще доносился из поднебесья печальный крик.

ОСЕННИЕ ЦВЕТЫ

Кажется, июль был так давно — с цветением разнотравья, с запахом липы, с жужжанием пчел. А сейчас на улице октябрь. Порядком надоели туманы. Дни короткие, пасмурные. Заморозки обожгли георгины в палисаднике и листву на деревьях, побурела и пожухла трава. Вокруг пусто и скучно.

Проходил недавно лугом. Вдруг будто солнышко блеснуло: совсем по-майски цветет одуванчик. Дальше ромашка, рядом с ней — тысячелистник. Летом на его бело-розовые плантации внимания не обращаешь. Лишь когда палец порежешь — сорвешь. По-

Негромкая беседа

трешь, чтобы сок выступил, и к ранке приложишь — хорошо кровь останавливает. Цветки у тысячелистника мелкие, невзрачные. Но поздней осенью и они так милы!

ВПОЛГОЛОСА

Сырой осенний туман, павший на землю еще с вечера, казалось, заполнил весь мир. В нем, как в вате, тонули звуки. За несколько десятков метров ничего не было видно.

Но поднялось выше солнце, мгла развеялась. В саду запинькали синицы, капелью зазвенела пеночка-теньковка. В последние годы в такую пору я часто

7 Н. В. Омелюсик

стал замечать среди поредевшей листвы эту крошечную зеленовато-серую птичку.

На проводах расселись скворцы и нехотя посвистывают. Это не песня, а так, разговор в своем кругу. О чем? Не о предстоящей ли дальней дороге?

А день набирает силу, солнце окончательно прогоняет туман, подсушивает росу. Появляются насекомые: иногда пролетит бабочка, иногда шмель, иногда стрекоза. В траве оживают, стрекочут кузнечики.

Но как неброско цветут на лугах запоздалые цветы, как вяло, совсем не по-летнему, копошатся букашки. И вполголоса беседуют птицы...

КАЛИНА

К середине ноября лес стал пустым и унылым, почти насквозь просматривается он через голые ветки. Пахнет сыростью и зимней свежестью.

А на опушке стоит куст, усыпанный рубиновыми ягодами. Это бросила вызов серости и сумраку калина. Не пощадили осенние невзгоды и ее — ни одного листка нет на ветках. Но вот перед ягодами бессильна любая непогода. Первые заморозки уменьшили в них горечь, добавили яркости. Сейчас они будто светятся изнутри. Сорвешь кисть, отправишь ее в рот — приятно освежает кисловатая, с легкой горчинкой мякоть. Будто сил прибавилось!

СНЕЖИНКА

Все ближе к зиме, но вчера выдался такой погожий день, будто вернулось бабье лето. А сегодня повисли угрюмые, тяжелые тучи, и на землю слетело

несколько снежинок. Одна зацепилась за невидимую паутинку, полощется на ней, не тает. На фоне серого неба и черных вспаханных полей снежинка кажется такой белой.

Хотел повнимательней рассмотреть узор, случайно дотронулся рукой — и нет снежинки.

ГУСИ НАД ГОРОДОМ

Уже несколько ночей прихватывало льдом лужи. Время от времени кружатся в воздухе редкие снежинки. Вот и сегодня еще с вечера шло на мороз — вызвездило и стих ветер.

Время за полночь. Тихо на улицах. Редко в каком окне свет. Я же бодрствую. Ложатся на бумагу строки о близкой зиме.

В тишине осенней ночи через открытую форточку сначала неясно, потом все громче и громче врываются гусиные крики. Высовываю в форточку голову и слушаю, как над спящим городом, отрываясь от зимы, пролетают дикие гуси. И коль спешат они — где-то рядом холода.

СНЕЖНАЯ МЕЛОДИЯ

Поет зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.

С. ЕСЕНИН

БУБЕНЧИКИ ЗИМЫ

Промерзший, насквозь просвечивающий лес. Давно сбросил он листву, а снега выпало мало. Пронизывающий ветер гуляет по голым веткам. Неуютно в такое время в лесу.

И вдруг в унылом шуме деревьев зазвучали звоночки. Откуда эти нежные переливы?

С рябины взлетела и вновь расселась по веткам стайка снегирей. Это они издают тонкий свист. Будто звенят серебряные бубенчики зимы, где-то пока задержавшейся.

СНЕЖНАЯ МЕЛОДИЯ

Первый снег. В этом году он выпал необычно дружно. Буквально за одну ночь покрыл землю, а потом еще понемногу подсыпáло, и вот — лежит и уже привычен, и настроение зимнее создает.

Притих, замер заснеженный лес. Неподвижны сосны и ели, обвисли их ветки под пушистой тяжестью. Красиво!

Опустевшим лес кажется лишь на первый взгляд. Как раз на страницах «белой книги» больше всего и прочитаешь о жизни его обитателей: любой лесной житель — будь то великан лось или малютка мышь — оставляет свой автограф на снегу. Надо только внимательным, заинтересованным глазом взглянуть, и откроется такое, о чем раньше не предполагал. По следам проводят учет диких животных охотоведы, чтобы потом знать, как вести свое охотничье хозяйство.

Птицы зимние, снегири

Красота красотой, но от снега и польза лесу большая. Под мягким покровом не померзнут молодые побеги, семена. Даже некоторые животные прячутся в снег от зимней стужи. Например, тетерева, которые бросаются с дерева в снежную постель и проводят в ней длинные зимние ночи. Снег создает запас влаги на весну — тоже польза.

Еще не один раз за зиму будут падать белые хлопья. Но этот, первый снег — самый красивый, самый праздничный.

Звучит в душе чистая, негромкая снежная мелодия...

Симфония

ВЕЧЕР ИЗ СКАЗКИ

Полмесяца держался мороз. Сковал голую, без снега, землю, затянул льдом ямы, канавы, лужи, непролазную осеннюю грязь прихватил колдобинами. Былинки в поле обросли инеем, согнулись. Зябли лицо и руки.

Сегодня же с утра воздух стал мягкий, ласковый. Весь день провисела дымка. А под вечер над дальним лесом насупился закат, и в сумерках сначала робко, по одной, потом гуще и гуще начали слетать снежинки. Да крупные какие, узорчатые!

Через полчаса и двор побелел, в окнах сплошная синева. Огоньки деревни, проглядывающие сквозь хлопья,— словно иллюстрация к какой-то старой, забытой сказке.

ЖИВАЯ ВОДА

Лес засыпан снегом. Недавно бушевавшая вьюга оставила на ветках сосен и елей белые мохнатые шапки. Идешь на лыжах, а они проваливаются, сзади остается глубокий след.

В просвете между деревьями замечаю прогалину. Выбежали на нее стройные березки и замерли в сугробах. Здесь протекает ручей. Вода темная-темная. Легкий пар от нее поднимается, а у берегов заиндевелые былинки торчат. Ведь мороз-то — больше десяти градусов! Ручей бежит себе неторопливо, такой непривычный в царстве белизны. В нем и вправду живая вода. Не глотнуть ли, чтоб силы прибавилось?

Стоишь зачарованный, и рисуются тебе дивные картины, какие видел то ли в детстве, то ли во сне.

...Ночь. Под лунным светом, залившим синевой заснеженный лес, — чуткая тишина. На прогалину вышел красавец-лось. Остановился, настороженно прислушался. Где-то жутко проухал филин, но лось спокоен — это знакомые звуки. И побрел по белой целине к ручью. Здесь опять на мгновение замер, а затем жадно припал к воде. Напившись, постоял еще. С губ упало несколько капель, сверкнувших в лунной дорожке. Медленной, величавой поступью не ушел — удалился лесной великан в заросли.

Выбежало стадо грациозных косуль. Ежеминутно оглядываясь и вздрагивая, попили и, испугавшись треска дерева (мороз подшутил), умчались. Им на смену выскочил заяц-беляк. Посидел у ручья, поднимая то одно, то другое ухо, неспеша запрыгал прочь.

...Громко закаркал ворон. Видения улетучились. И все равно вокруг — сказка.

С новыми силами наляжешь на лыжи, прокладывая дорожку вдоль ручья, и быстрым своим бегом вспугнешь, поднимешь с воды стайку крякв. Засвистят в морозном воздухе их острые крылья.

РЯБИНА У ОКНА

Растет у моего окна рябина. Сохранила она часть своих ягод до самой предновогодней поры. Правда, дожди да заморозки прибили их, они потемнели и уже не такие яркие, красивые. Но все равно среди декабрьской слякоти и хмури наряд приметный. Еще продолжается у деревца осенний праздник, начавшийся погожими сентябрьскими деньками, когда пламенели кисти среди зеленой листвы.

На праздник явились гости. Первые — синицы. Сначала отведали мое угощение — тыквенные семеч-

Прилетел на рябину дрозд

ки, которые я насыпал на подоконник. Потом одна из птичек взлетела на дерево и склевала несколько ягод. За синицами снегири пожаловали. Тоже попробовали рябины и принялись за семянки соседнего клена.

А вот мелькнула птица покрупнее — дрозд. Ну что ж, рябиновые ягоды — его любимое блюдо. Сел на ветку, жадно склевывает. Испугавшись шедших внизу людей, улетел, но тут же снова вернулся.

Воробей-побирушка, глядя на других, тоже решил закусить ягодами. Но так и не понял, что хорошего в них находят птицы. Умчался искать поживу в другом месте.

...Стоит у окна рябина и каждого, чем может, одаривает: кого красотой, кого добром.

ЗИМА, ЗИМА...

Мила сердцу русского человека эта пора. Когда снегу по колено, когда морозец щиплет щеки, когда скованы льдом реки и Дед Мороз по ночам строит и ремонтирует свои дороги, мосты. А зимние дороги таковы — где летом ногой трудно ступить, зимой хоть на колесах, хоть на полозьях.

Дремлет лес, засыпанный снегом, ждут лодки на берегу вешней воды. Зима со снегом — весна с водой...

ВЕСНА В ДЕКАБРЕ

Казалось, быть уже зиме. Все налицо: и пятнадцатиградусные морозы, и снег десятисантиметровой толщины, и обильный иней. Но то ли потому, что не

вовремя — еще в ноябре — проявила она свой крутой нрав, только зашедший с южной стороны ветер принес тепло, и за два дня не стало зимы. На третий день воздух прогрелся до десяти градусов. И, как настоящей весной, напоминанием о бывших морозах остался потемневший, с проступающей и поблескивающей на солнце водой лед.

Погода-то весенняя, но ощущения весны нет. Вот не хватает чего-то, и все. А не хватает весенних запахов, птичьих голосов. Будь такая погода в марте, звенели бы жаворонки, галдели грачи. Сейчас же лишь серые вороны бродят у подтаявших луж.

И все-таки раздалась из кустарника веселая трель. Это расщебетались на репейниках, растущих у кустов, щеглы. Сидят, теребят колючие головки. Двое слетели к лужице, пьют из нее воду. Далеким отзвуком послышалась в бодрой песенке нарядных птиц весна. Короткая, внеплановая...

СЛОВО О КУРОПАТКАХ

В снежную зиму, проезжая полем, часто можно увидеть на озимых сбившихся в табунок серых куропаток. Сидят они, беззащитные, сгорбленные, похожие на старушек, разгребают снег, пытаясь добраться до сочной зелени озимых. Чем ближе к весне, тем меньше табунки и все реже их встречаешь — гибнут птицы. Не приспособлены эти маленькие курочки к суровым зимам.

Куропатки — птицы зерноядные. Им не по силам длительные перелеты, никогда не садятся они на деревья, живут на земле, где и добывают корм. Кочуют табунками, там склюют семена сорняков, здесь подберут опавшее зернышко. В снежную же пору лишь

Куропатка, полевая курочка

озимые выручают. Да к ним трудно добраться, особенно если после оттепели ударит мороз и снег покроется крепкой ледяной коркой — настом. Подходят тогда куропатки к самой деревне — к скирдам, к скотным дворам. В народе подмечено: если жмутся они к человеческому жилью — жди ненастья.

Везде птиц подстерегают опасности: ястребы, бродячие кошки и собаки, лисы. Да и среди людей, к сожалению, есть любители легкой (сами же в руки идут!) добычи. Охота на куропаток запрещена уже на протяжении многих лет. И все равно постреливают.

Вот потому-то, хотя куропатки — самые плодовитые из наших птиц (несут около двадцати, а часто и больше яиц), немного их у нас. Прибавьте к этому влияние на птичье здоровье и жизнь минеральных

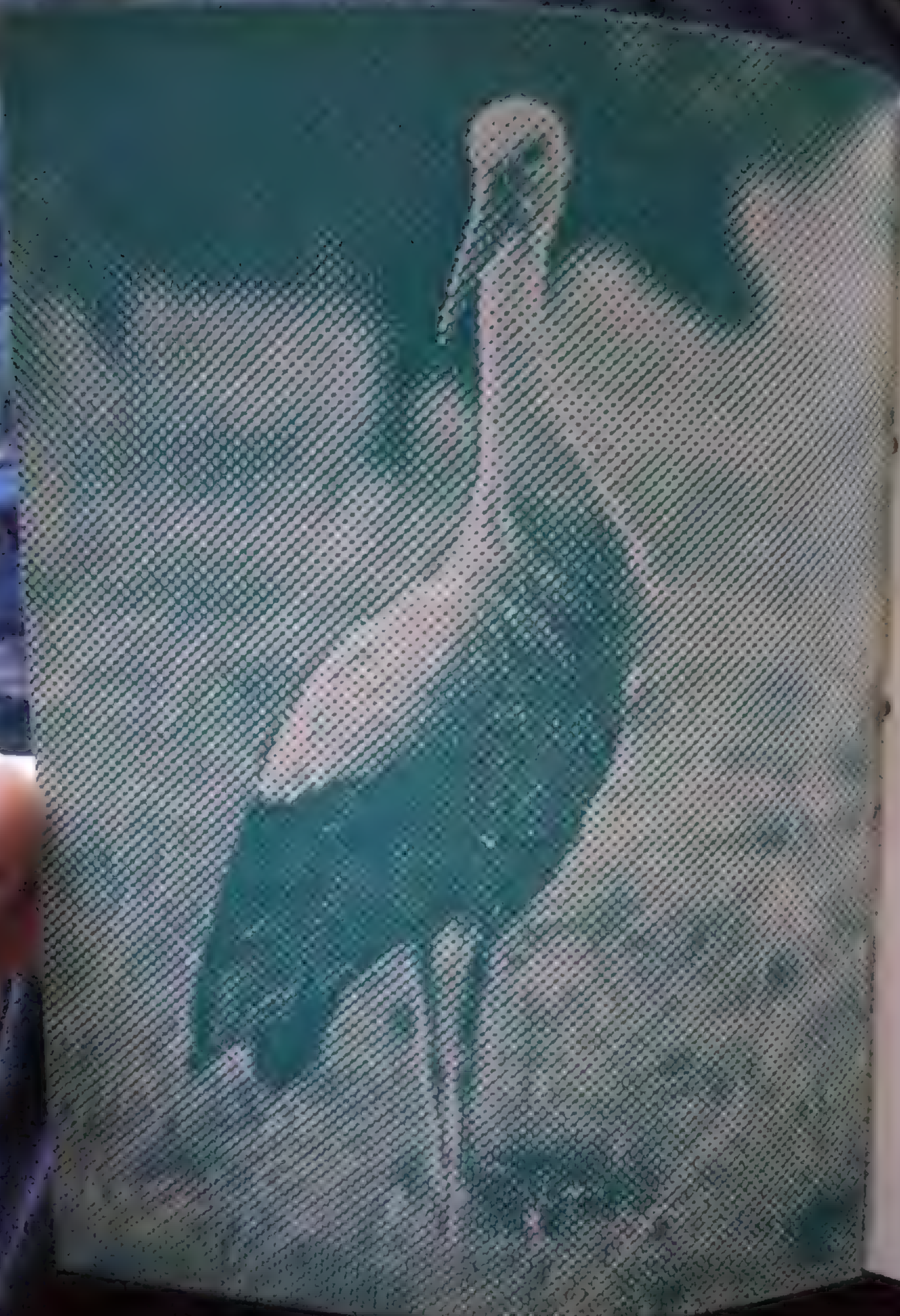
удобрений, гербицидов, скоростных сельскохозяйственных машин — ведь живут куропатки на культурных, освоенных человеком землях.

Не составляет особого труда организовать в охотничьих хозяйствах подкормку этих пернатых в трудное для них время, построить навесы или шалашики, куда высыпать зерноотходы и мякину. На озимых можно расчистить от снега пятачки — птицам легче будет добраться до зелени. В этом деле и школьники могут принять участие. Да любой человек обязан позаботиться о крылатых наших друзьях, когда они нуждаются в помощи.

II ДВА РЫЖИХ ЗВЕРЯ

Погожим днем на исходе зимы стою на опушке леса, наслаждаюсь тишиной, греюсь на солнышке — оно уже поднялось высоко, рассматриваю следы. А следы одни — лисьи. Истоптан ими весь снег. Гон у зверей сейчас, время свадеб, вот и ходят друг за дружкой. Здесь, в затишке, они сидели. Долго сидели — даже снег подтаял.

Не увидел я лисиц, но так живо представил их: греются, подставляя пушистые спины теплым лучам, и лисовин ухаживает за своей рыжей подругой. Яркое солнце, зеленые сосенки и два рыжих зверя на белом снегу, как наяву, стоят перед глазами.

ПТИЦА МОЕГО ДЕТСТВА

Я рос среди лесов,
У речки родниковой,
У птичьих голосов,
У месяца подковой.

В. БОКОВ

ТРОПИНКИ

Тропинки детства... Опять я хожу по ним, опять босыми ногами ощущаю согретую майским солнцем супесь, опять вокруг милые моему сердцу просторы. Знакомые пейзажи наполняют меня огромной светлой радостью, навевают воспоминания и легкую грусть о безвозвратно ушедшем времени.

Вот она, моя деревенька, затерявшаяся среди лесов,— не найдешь ее ни на какой карте, так мала. Часто снятся мне эти места, которые вросли в мою душу с тех самых времен, как помню самого себя. Снятся такими, какими я их знал когда-то, хотя изменились они до неузнаваемости. Здесь мы с товарищами пасли коров, ловили рыбу, играли, дрались и мирились. Здесь мы росли. Отсюда ушли в жизнь. Разошлись наши пути-дороги, и сильно изменились мы сами. Но как только ступлю я на эту землю, «...минувшее меня объемлет живо». Таково уж свойство памяти человеческой: нет-нет да и возвращать нас на тропинки детства, чтобы стали мы на них чище, моложе, здоровее.

С каждым своим приездом все острее чувствую, как увеличивается расстояние между прошлым и настоящим. Уже многие из тех, кого хорошо знал, кого не отделить от моих босоногих лет, почивают на деревенском кладбище. Как будто только в памяти моей и жили. А ведь у каждого из них была своя жизнь, своя судьба...

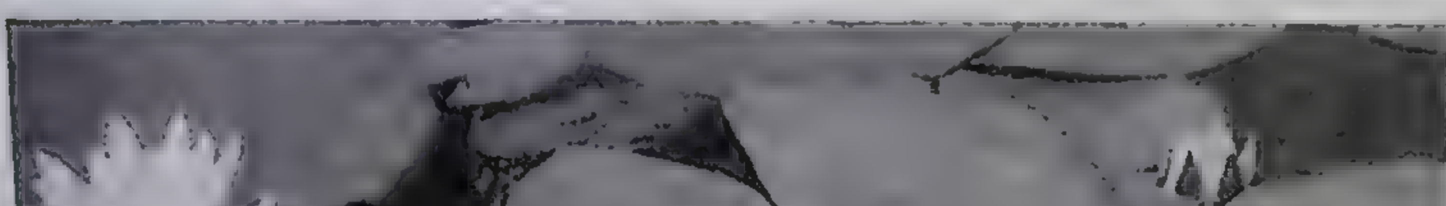
Другие люди окружают меня теперь, другая жизнь. Но память, память... Так и норовит свернуть на тропы детства.

БОЛОТА

Раньше нашу деревню окружали болота. Теперь я с грустью вспоминаю места, где они были. Конечно, мелиорация — дело нужное: расширились поля, выросли урожаи. Но и болот жаль.

Весной, бывало, как разольются они — и там, смотришь, маленькое озерцо, и там. Солнечным цветом зацветет калужница-лотать, проклюнется трава из воды. А сколько водилось на болотах разных птиц! Стонут чибисы, блеют, как овцы, бекасы, крякают утки, на разные голоса посвистывают кулички.

Когда наберет весна силу и зазеленеют болота, птицы примутся за гнезда. Понемногу начнет падать

Кувшинки зацвели

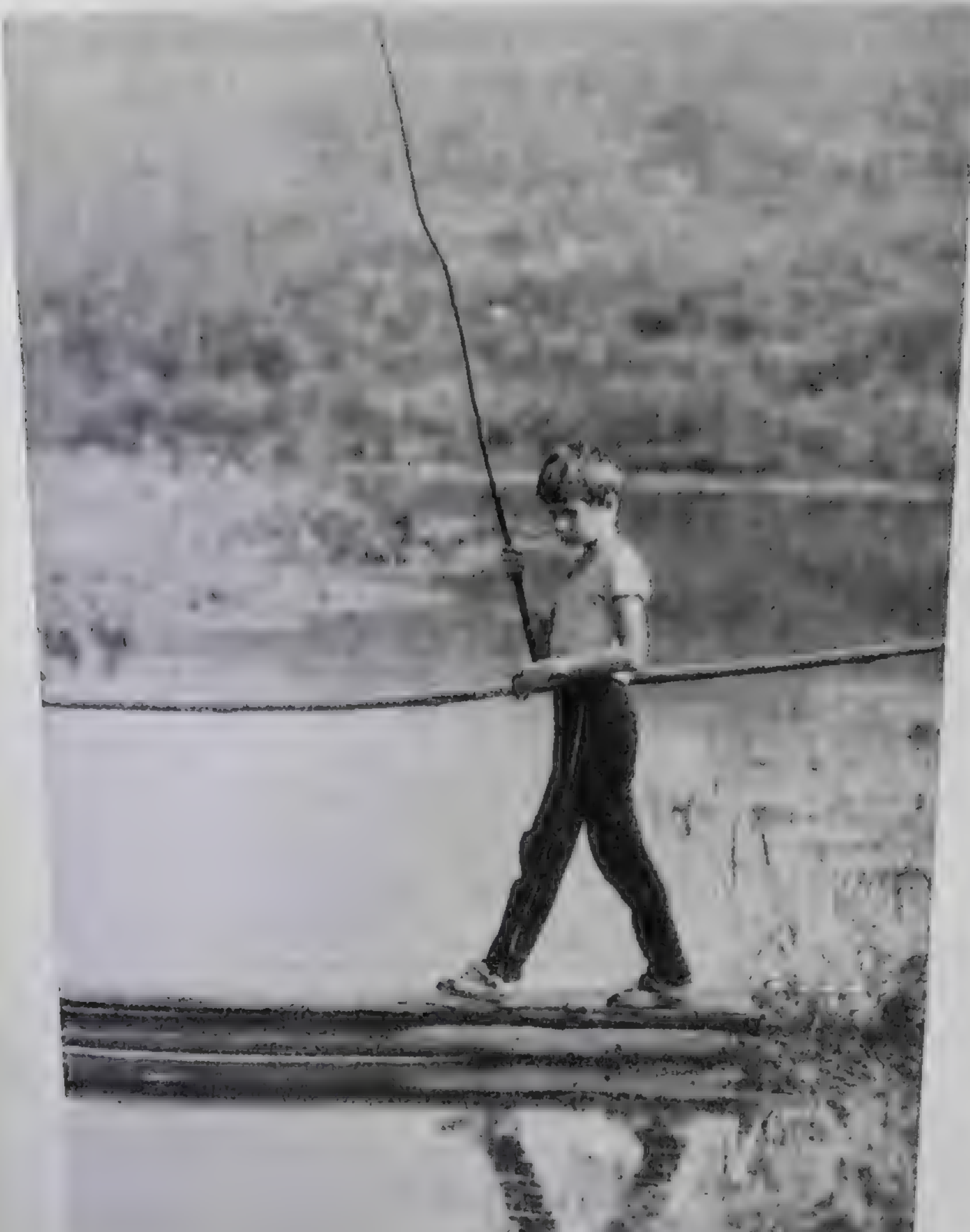
5*

уровень воды. Но в некоторые годы бывало и так, что в поле выходили косари, закатав штаны. Шеренгой человек тридцать, дружно взмахивая косами. Потом, если болото не топкое, скошенную траву лошадьми в санях вывозили на берег, где она сохла. А из топкого приходилось выносить вручную.

В сухое лето вода постепенно испарялась, оставалась только в копанях и ямах. Тогда наступало наше время, мальчишечье. В воде еще было много рыбы — щурят, карасиков, вьюнов. Ловили мы их самыми немыслимыми снастями, иногда даже просто руками. Помню, пасли мы с дружком коров возле копани, в которой вода уже испарилась. Дно было в каких-то дырочках и птичьих следах. Оказывается, вьюны ушли в ил. Есть у них такая особенность: когда пересыхает вода, зарываются в ил и отсиживаются там до лучших времен. Увы, многие из тех вьюнов лучших времен не увидели. Мы с дружком перерыли дно и добыли по нескольку десятков скользких, пищащих и извивающихся рыб. Вряд ли они и так дождались бы воды — лето стояло сухое... А может, и отсиделись бы. Но мы были так безжалостны, уж очень хотелось похвастаться дома: наловили рыбы голыми руками.

ПТИЦА-НЕВИДИМКА

Ну что за птица коростель! Скрытная до невозможного. В детстве все хотел я узнать, кто это там в траве горло дерет. Идешь на крик — вот здесь он недавно кричал — нет, уже где-то рядом голос подает. Ходишь, ходишь, а увидеть так и не доведется. Позже мне, конечно, стало известно, что скрипун этот — коростель, по-белорусски драч.

На рыбалку

Народная молва утверждает, что коростель в южные страны пешком ходит. Конечно, это выдумки, но все же не перестаешь удивляться, как ловко он прячется в траве и как неохотно поднимается на крыло.

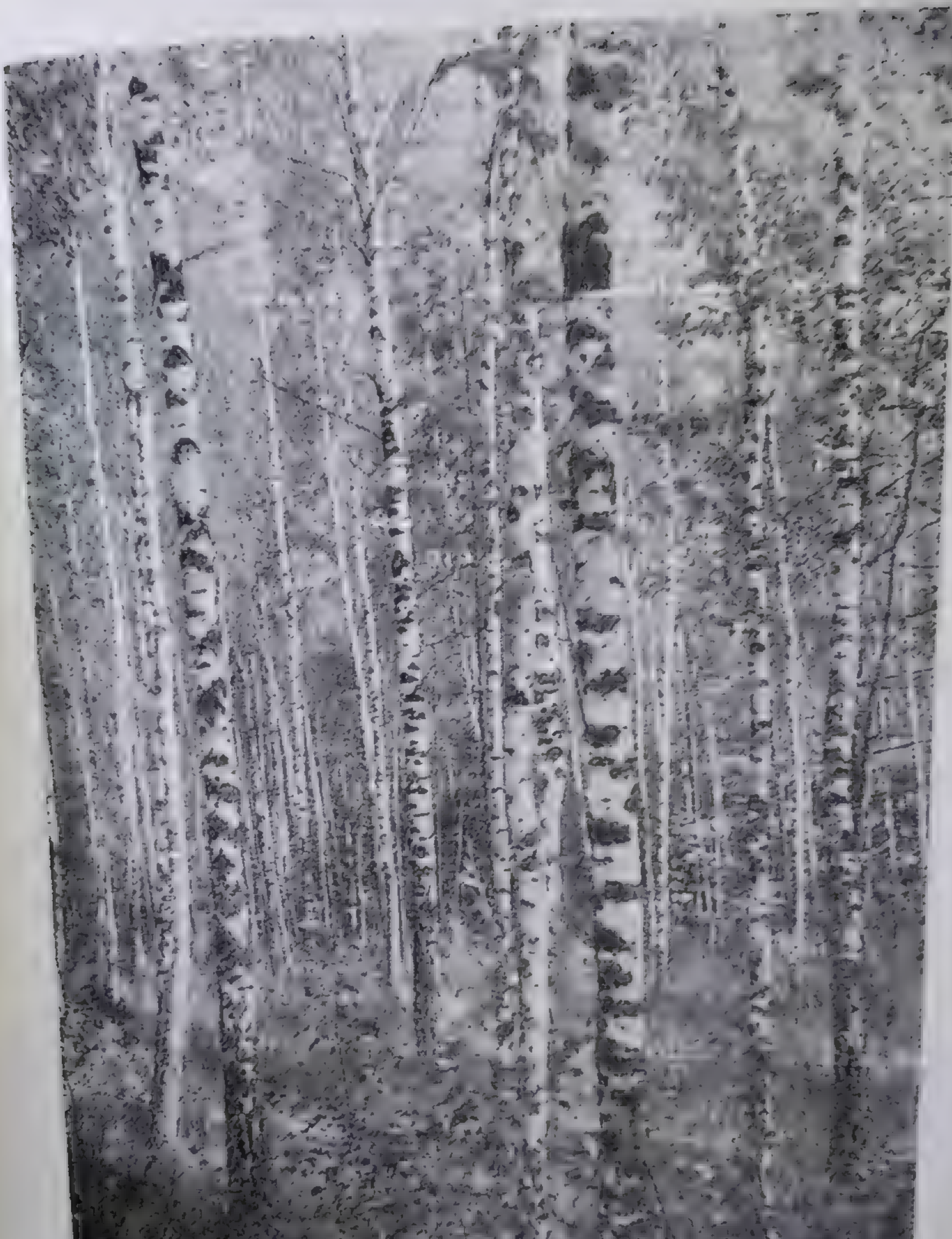
Но однажды мне удалось увидеть коростеля летящим. На пойменном лугу в разных концах перекликались две птицы: одна скрипит, вторая слушает, а как первая замолчит — вторая начинает. Я пошел на голос ближней. Вдруг, когда я совсем не ожидал, почти из-под самых моих ног она и взлетела — бурый, неуклюжий коростель с нелепо висевшими лапами. Пролетев метров двадцать, приземлился в траву. Я быстро направился к тому месту, но коростель заскрипел уже в стороне. Подбежал туда — опять взлетел. На этот раз он удалился метров на сто. Подал голос его товарищ, и «мой» ответил ему.

Когда память приводит меня в дни детства, я, словно наяву, слышу скрип коростелей на лугу — много их было. А теперь все реже и реже раздаются голоса этих птиц. И не хватает чего-то в коротких июньских ночах...

ВЫРОСЛИ КРАСАВИЦЫ

Сегодня навестил родные места. Нечасто теперь приходится бывать здесь, но при малейшей возможности я стараюсь заглянуть в заветные лесные уголки. И каждый раз замечаю перемены: провели прореживание, вырос новый муравейник, какой-то недобрый человек разложил костер под деревьями, оставил после себя стекло и бумагу, испоганил пятачок лесной красоты.

Но сегодня бросилось в глаза другое: березки, которые я помню ростом чуть выше себя, выросли в

Березовая роща

большие деревья. Вот так указали они мне, сколько я здесь не был. Уходил — стояли березки-подростки, а вернулся к взрослым зеленокудрым красавицам.

МОЛОДОЕ ДЕРЕВЦЕ

А другая березка росла у тропинки, по которой мы ходили в школу. Вокруг нее толпились молодые сосенки, она же гордо возвышалась над ними, обогнав в росте. Еще издали приметишь, выделишь. А уж осенью деревце прямо светилось все золотой листвой на фоне строгой сосновой зелени.

Однажды утром, идя в школу, мы увидели на месте березки пенек и кучу веток. Пусто здесь стало, словно проплешина образовалась.

...Через десять с лишним лет вновь стою я на той тропинке. Захотелось посмотреть, что теперь там, где росла березка, наверное, думалось, один пенек трухлявый торчит.

Но пенька не было. Его скрывали ветки молодого, но уже крепкого деревца, выросшего из побега прежней березы.

ПТИЦА МОЕГО ДЕТСТВА

Помню, как за деревней, где я пас коров, опускалась, раскинув огромные крылья, черно-белая птица. Аист ходил вокруг стада совсем рядом со мной, подбирал вспугнутых коровами лягушек. Иная бодливая буренка махнет в его сторону рогами, он опасливо, с подлетом, отпрыгнет в сторону и опять важно вышагивает на своих длинных ногах. Наблюдаю за ним — и быстрее идет бесконечный пастуший день.

Белый аист

...Каждый раз, когда вижу аиста ранней весной на гнезде, а летом в луговых травах или парящего в высоте, вспоминается мне золотая пора детства, его беззаботность, радость познания мира. Увы, все это позади. Что-то найдено, а что-то безвозвратно утеряно. И лишь прежней осталась птица моего детства — красноногий, красноклювый аист.

...Всего лишь пара аистов гнездится теперь в моей родной деревне.

Я НЕ СТАЛ ОХОТНИКОМ

Мальчишкой я бредил охотой. Не потому, что мне хотелось стрелять в птиц и зверей, скорее нравилось в этом занятии то, что оно сулило близкое, с глазу на глаз, общение с природой. В те времена о фотоохоте, пожалуй, никто в маленькой полесской деревушке не слышал. Бродили охотники осенней да зимней порой по полям и перелескам, палили из ружей, и была в том для нас, пацанов, необъяснимая романтика. Мы с дружками вечно увязывались за ними, ходили следом, наслаждаясь запахом сгоревшего пороха, и мечтали: скорей бы вырасти, чтобы тоже купить ружье и бродить так, не зная усталости.

Как-то мы оказались свидетелями одной «успешной» охоты. Сначала мы услышали в лесу страшный галдеж, который устроили вороны и сороки. Потом в той стороне раздались выстрелы, и через какое-то время из леса вышел охотник. Он нес, как нам показалось, жуткое чудовище. То был убитый им филин. Мы с восхищением и не без страха рассматривали пестрое оперение, сильные когтистые лапы, крючковатый клюв птицы. А охотник, довольный, рассказывал, как, привлеченный птичьими криками, вышел на

поляну, увидел «большого шуляка», как стрелял в него, и как тот, словно торба, свалился в снег. Хорошее из чудища получится чучело...

Не было еще тогда Красной книги, куда теперь занесена эта сова. Не существовало ограничений или запрета на ее промысел. И не могу только охотников винить в уменьшении или исчезновении того или иного вида животных — хватает и других причин. И все же я изменил своей детской мечте — став взрослым, не купил себе ружье. И нисколько о том не жалею.

А филинов в наших лесах я больше не встречал.

ОСКОЛОК

Пилили дрова. Звонко, задорно звенела пила. И вдруг — три-и-и-ик... три-и-и-ик...— металлический звук. Что такое? Осмотрели пилу. Концы зубьев сбиты. Гвоздей в сосну кто-нибудь набил, что ли?

Внутри, в теле дерева, оказался кусочек металла. Неровный, рваный осколок, еще с войны. Вокруг него древесина потемнела, подгнила. Знать, мучил он дерево.

БАБУШКИН ГРИБ

Как сейчас, так и в детские годы, любил я бывать в лесу в любую пору. Всегда мы, пацаны, находили там что-то интересное для себя. И все же самое любимое было время — когда появлялись грибы.

Не могу теперь припомнить, с какого момента проснулся во мне грибник. О многих чудесных мгно-

чениях, о грибных удачах могу рассказать, а вот первый гриб память не сохранила. По рассказам знаю, что, когда мне, малышу, дали в руки корзинку и я насобирал в нее — едва донышко прикрылось — несъедобных грибов, визгу было на весь лес. Так я выразил свой восторг. Может быть, именно тогда и родилась эта страсть, которая не оставляет меня уже около трех десятилетий.

Зато хорошо помнится мне другой гриб...

Пошли мы однажды с бабушкой, ныне покойной, в лес. Был я уже подростком, а бабушке шел седьмой десяток. Где ей было угнаться за мной, постоянно пропадавшим в лесу, знавшим все грибные места. И грибов в ту пору было немного. Так мне хотелось, чтобы бабушка нашла хоть один белый. Я уже несколько штук срезал, а у нее в корзинке только сыроежки, лисички да маслята. Увидев плотный боровичок, я стал осторожно «наводить» на него бабушку. Вот счастье было — какого красавца нашла! Мы оба радовались как дети.

Не помню, кажется, бабушка была тогда в лесу в последний раз. После этого она могла любоваться только моими грибными трофеями. Я ей так никогда и не рассказал, что был причастен к ее грибной удаче.

Из того далекого времени осталась мне смешная, незамысловатая песенка, одна из многих, что пела бабушка:

Пайшоў дзед па грыбы,
Баба па апенькі.
Дзед свае пасушыў,
Бабіны сырэнькія.

НОВАЯ КРЫША

На крыше дома деда Игната аисты устроили гнездо и прилетали сюда каждую весну. А крыша-то совсем прохудилась. Еще летом привез дед шифер, да все тянул. Объяснял: «Аистов жалко».

Пришла осень, улетели аисты. Перекрыл дед крышу. Дом новее стал. Радоваться бы деду, а он горюет:

— Прилетят весной, а гнезда-то и нету...

В АВТОБУСЕ

В рейсовом автобусе все было привычно: кто-то дремал, кто-то со скукой глядел в окно, кто-то вводил соседа в курс своих жизненных перипетий.

Въехали в деревню, и автобус притормозил на остановке. На дереве, совсем рядом с дорогой, хлопотало в гнезде аистиное семейство. Я с интересом стал наблюдать за птицами. В особенно трогательные моменты невольно оглядывался на пассажиров — видят ли они, как заботлив отец аист и как смешны длинноклювые малыши? Но никто не обращал внимания на жизнь в гнезде.

— Мама, мама, смотри — аисты! — вдруг с восторгом, на весь автобус, закричал пятилетний малыш. И люди будто очнулись, завертели головами, заулыбались, глядя на птиц.

ОГЛЯДИСЬ ВОКРУГ

И сладко знать, идешь ли ты лесами,
Спускаешься ли горною тропой:
Твоими ненасытными глазами
Природа восхищается собой.

С. ЩИПАЧЕВ

ПЕНЬ У ДОРОГИ

Старый, наполовину трухлявый пень у дороги чем-то понравился муравьям, и они начали сооружать возле него жилище. Упорно тащили в основание всякий мелкий мусор — строительный материал. Так появился в лесу еще один муравейник, в котором поселилась многочисленная трудолюбивая семья. И еще один участок леса взяла она под свою охрану.

Присмотритесь как-нибудь к муравьиному жилищу. На первый взгляд покажется, что его обитатели суетятся без толку и передвигаются куда кому взбредет. Но это не так. Они заняты делом — каждый своим. От холмика во все стороны проложены тропы, по которым торопятся то за строительным материалом, то за пропитанием шестиногие труженики.

Польза их для леса общеизвестна. По наблюдениям ученых, обитатели лишь одного муравейника за день уничтожают от 20 до 100 тысяч насекомых, гусениц, куколок, личинок (количество зависит от размеров муравьиного дома и его населенности). Даже большому пестрому дятлу — трудяге из трудяг, для этого понадобилось бы работать около месяца, а большой синице — почти три месяца. К тому же муравьи собирают свою добычу в основном на земле и у самой земли, куда лесные птицы опускаются редко. Впрочем, если вредители нападают на деревья, маленькие защитники леса расправляются с ними и там.

Теперь все чаще можно увидеть вокруг муравьиных домов ограды — человек берет под охрану лесных санитаров. И не только от диких свиней, любителей покопаться в муравейниках, надо оберегать их, но и от легкомысленных людей.

Дел-то сколько у них, у друзей-мурашей!

ЭТОТ СЕРЫЙ ВОРОБЬИШЕК

Ничем особым не наградила природа воробья — ни ярким нарядом, ни звонким голосом. Прямо скажем, заурядная, неприметная птичка. И всем знакомая. Кто-то из наших предков дал ей такое название — воробей, то есть «вора бей». И действительно, драчливые, нагловатые, с воровскими повадками пичуги. Тем не менее целый отряд пернатых получил название воробьиных. Это и такие крупные, как вороны, и самые мелкие птицы наших мест — корольки.

В американском городе Бостоне воздвигли воробью памятник — за то, что, уничтожая гусениц, эти птицы спасли сады и посевы хлебов. Вот тебе и «вора

Вездесущий воробей

бей»! Хотя были и другие крайности. В Китае, например, как-то все население вышло на борьбу с воробьями — гоняли их (а воробьи не приспособлены к длительному полету), отстреливали. За что же эти извечные спутники человека попали в такую немилость? А за то, что поедают какую-то часть урожая риса. Однако вскоре люди убедились, что, избавившись от воробьев, они лишились своих помощников: больше, чем птицы, посевам риса стали наносить ущерб насекомые, которых те раньше уничтожали. Пришлось завозить в Китай воробьев из других стран.

К воробьиным относится около 60 процентов птиц земного шара. Только в СССР их свыше 300 видов. И живут они на всех континентах, кроме Антарктиды. Если же говорить сугубо о воробьях, то у нас водятся в основном два вида: домовый и полевой. Эти виды несколько различаются окраской и размерами. Их представители довольно часто держатся вместе. Питаются зерновыми культурами и насекомыми. При удобном случае серый воришка постарается стащить лакомый кусочек у человека или у птиц, других животных. Но ведь это простительно: воробью надо и самому жить, и свое немалочисленное потомство выкормить. Согласитесь, однако, не будь за окном бойкого воробьиного чириканья, нам, людям, чего-то не хватало бы.

ГРАЧ-ТРУЖЕНИК

Обычная это у нас птица, совсем не редкая. На старых деревьях часто целыми колониями поселяется, верхушки темнеют от гнезд. Гам стоит на всю округу. Раздражает иногда этот шум, и не всегда удостаиваем мы вниманием грачей. А напрасно. Мне при-

9*

Притомился трудяга

ходилось наблюдать весьма любопытные и забавные сценки.

Из окна второго этажа хорошо была видна колония грачей, обновлявших гнезда после зимы. На кусте орешника я заприметил одного из них. Грач только что сел на ветку, а потом стал прыжками опускаться по ней ближе к стволу. Уцепился клювом за соседнюю сухую ветку, отломал ее, взял посередине, чтобы не перевешивала. Опять же прыжками выбрался из кроны наверх, какое-то мгновение посидел, будто собираясь с силами, и оторвался от орешника. Лететь ему было трудно, взмахивал крыльями медленно, тяжело. И все же поднялся над проходящей здесь электролинией — держал курс на гнездо, до которого было метров сто пятьдесят. Положил ветку, отдохнул и опять прилетел на тот же куст. Все повторилось сначала.

Нельзя было не проникнуться симпатией к этому труженику. Ведь можно было насобирать веток под деревьями. Он же предпочел добывать строительный материал с бóльшими затратами сил.

ОГЛЯДИСЬ ВОКРУГ

Человек, неравнодушный к природе, может увидеть много интересного и загадочного. Надо только повнимательнее вглядеться в окружающее. Вопросов возникает масса, и не на все из них легко получить ответ. Но как заманчиво узнавать что-то новое, делать свои, пусть и небольшие, открытия.

...Дело было майской порой, но солнце припекало по-летнему. В лесу по верхушкам сосен иногда пробегал ветерок, но внизу, на просеке, по которой я шел, жара стояла нещадная.

Грация

Иногда впереди меня на прутик или былинку присаживались стрекозы. К одной я начал осторожно подходить, чтобы рассмотреть повнимательнее, но она взлетела. Сделала круг и снова села на прутик. Этот цикл: взлет — круг — посадка повторялся несколько раз. С интересом наблюдал я за действиями насекомого. С какой целью чередует оно полет по кругу с отдыхом на прутике?

В том, как ведут себя другие живые существа, часто ищем мы аналогии с нашими ощущениями и поведением. Смотрел я, думал и нашел такое объяснение. На прутике стрекоза принимает солнечные ванны. Дремота ее одолевает — крылышки вначале держит горизонтально, потом постепенно опускает, а головку потешно так поворачивает в сторону. Когда же

окончательно жара сморит, взлетает она и делает круг, чтобы освежиться. Правильны ли мои выводы — не знаю.

КОВАРНЫЙ РЕПЕЙНИК

Эта маленькая трагедия произошла прошлым летом. И хотя я не видел, как развивались события, но ясно представил картину гибели ласточки. Горько от сознания, что ничем не мог ей помочь.

На обочине дороги росли высокие репейники с тонкими, почти незаметными, но цепкими крючками на верхушках головок. На одном из них, как мне показалось, висел тряпичный лоскуток, а когда подошел поближе, увидел, что это была мертвая ласточка-береговушка. Видимо, коварное растение так цепко схватило птичку, зачем-то присевшую на него, что та не смогла взлететь. Билась, рвалась, а помочь было некому. Если бы я проходил по этой дороге раньше! Может, еще застал бы ласточку живой...

Береговушек и без того много погибает. Живут они колониями. Облюбуют карьер, в котором в тот момент не ведутся работы, и за несколько дней наделают массу норок в откосе, сядут на гнезда. А потом начнет рушить песчаную стену экскаватор, и погибают в гнездах кладки, птенцы. Носятся птицы вокруг с жалобным криком.

Всегда ли мы слышим этот плач? Всегда ли в нашей душе найдется место для сострадания? К сожалению, не всегда и не у всех...

ЧЕРНЫЙ ОТШЕЛЬНИК

Формой тела и размерами он похож на своего ближайшего родича — белого аиста. А вот цветом оперения и характером — его антипод. Речь идет о черном аисте — птице редкой (занесена в Красную книгу СССР), к тому же избегающей встреч с человеком.

Количество черных аистов на территории Белоруссии уменьшается. В Беловежской пуще, например, в 1949 году было двадцать гнезд этой птицы, в 1956 — одиннадцать, а в 1976-м — не более пяти. Немногочисленны они и в Березинском заповеднике, в лесах по берегам Припяти. Все это — результат исчезновения глухих, недоступных для человека лесных уголков, в каких любит селиться черный аист.

Однако мне доводилось видеть чернокрылого отшельника и в нетипичных для его обитания местах — вблизи населенных пунктов, даже там, где и лесов-то больших нет. Как-то я вспугнул птицу из канала, прорытого у деревни сразу же за огородами, в полста метрах от крайней хаты.

Однажды на берегу реки Ясельды, у города Березы, подобрали аиста с поврежденным крылом. Всю зиму прожил он в доме белоозерской учительницы Марии Ивановны Юреня. Вел себя доверчиво, подружился с хозяйкой и ее детьми, охотно брал корм из рук. Потом его передали в Гродненский зоопарк.

Исконные места обитания черного аиста — старые увлажненные леса. Прилетает он из далекой Африки в начале апреля и занимает чаще всего свое прежнее жилище, которое использует многократно. Строит гнездо на старом дереве в затененном, труднодоступном месте на высоте 15—20 метров. Не любит соседства — ни своих сородичей, ни других птиц. Ученый-биолог М. С. Долбик рассказывал о таком случае.

Наташа и черный аист

В Березинском заповеднике канюк начал строить гнездо на одном дереве с аистом. Птицы не ужились, а через несколько дней под деревом нашли мертвого канюка с пробитой грудью.

Однако, когда я работал на мелиоративном объекте «Замошье» — это недалеко от Припятского заповедника, — мне не раз приходилось видеть компанию из десятка черных аистов. Иногда они были вместе с белыми. Птиц привлекало там обилие корма в пересыхающих заводях и старицах. Вели себя сородичи по отношению друг к другу мирно, а если их кто тревожил, дружно взлетали и садились на дубы или подолгу кружили в высоте.

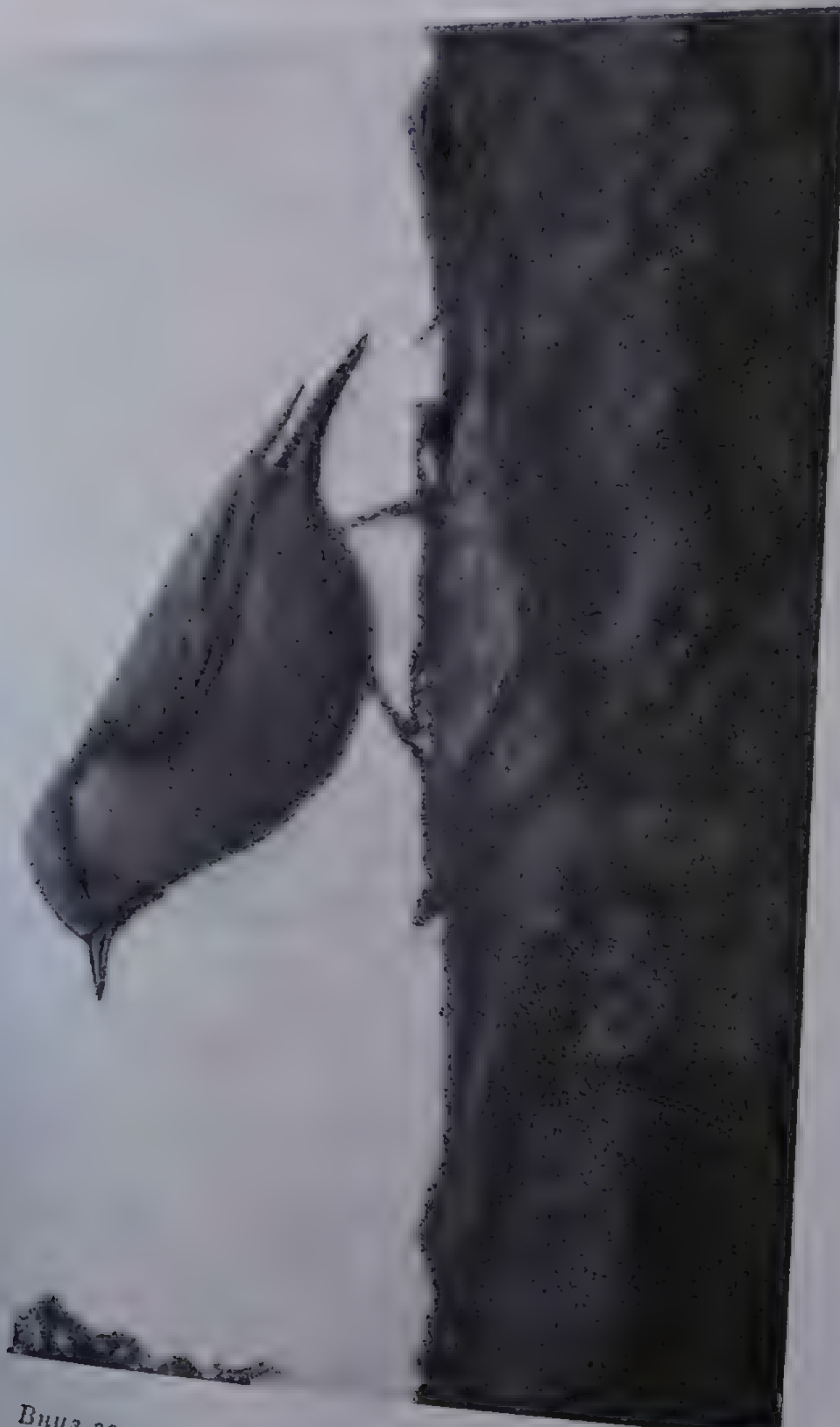
Черные аисты выкармливают птенцов тем, чем питаются сами: пресмыкающимися, земноводными, насекомыми и их личинками. Иногда ловят рыбу, в основном мелкую.

Черный аист — птица самобытная, красивая. Необходимо сохранить ее для будущих поколений.

ЕСТЬ ТАКИЕ ПТИЦЫ

Примерно пятая часть из обитающих у нас видов птиц — оседлые. Это всем хорошо известные воробьи, синицы, дятлы, вороновые, совы, куропатки и другие. Но вот два вида, которые тоже водятся в наших лесах и парках и тоже оседлые, знакомы не многим. Речь идет о пищухах и поползнях.

Пищух иногда можно повстречать в городе. Прилетают к человеческому жилью, на кормушки, и поползни. Нужно сказать, что, хотя эти птички мало похожи друг на друга, у них много общего. В орнитологии семейства пищух и поползней соседствуют. Да и в природе их часто можно встретить вместе.

Вниз головой еще интересней. Поползень

Очень метко даны им названия. Серо-бурая с крапинками пищуха (брюшко светло-серое), быстро перемещаясь снизу вверх по стволу, издает тонкое попискивание. В это время она исследует тонким изогнутым клювиком щели и трещины в коре, выискивая насекомых — основное свое пропитание. Иногда пищуха передвигается по стволу спиралеобразно. На вертикальной поверхности держится уверенно.

Но далеко пищухе до поползня. Он и вообще превзошел всех птиц в способности лазать по деревьям. Для него нет разницы, в каком положении передвигаться. Похоже, вниз головой ему даже больше нравится. Часто можно наблюдать, как птица «ползет» по горизонтальной ветке, буквально как муха по потолку. Да не просто так, упражняется, а тоже ищет насекомых.

В рационе поползня в большей степени, чем у пищухи, преобладают растительные корма: орехи, ягоды, желуди. Любит таскать их в трещины и дупла — про запас. По размерам несколько крупнее, чем пищуха, с пепельно-голубоватой спинкой, цепкими лапками и коротеньким хвостиком. Симпатичная птичка!

Своеобразно решает поползень проблему жилища — если леток в дупле слишком большой, он замазывает его глиной до нужных размеров. Пищуха же очень часто устраивает гнездо за отставшей от ствола корой. Поэтому особенно важно сберегать в местах гнездования этих птиц старые и дуплистые деревья.

ПРИСТРОИЛИСЬ

Линия электропередачи была проведена вокруг Черного озера для энергоснабжения земснаряда. После окончания работ ее сняли, только на повороте, у

Идиллия

реки Жигулянки, остались две опоры. На одной из них ухитрились построить гнездо аисты. Далековато пришлось птицам носить строительный материал, зато теперь с кормом нет проблем: рядом протекает река, за ней — болото, и прямо с гнезда можно узреть зазевавшуюся лягушку.

ПРИЛЕТАЛИ КОРОЛЬКИ

В течение дня то светило солнце, то надвигались тяжелые тучи. Поднявшийся ветер сметал в охапки и опять разносил по асфальту желтые листья. Из куста туи донеслось попискивание. Я остановился заи-

пересованный — похоже, это были корольки. Но как могли лесные жители появиться в городе?

Приглядевшись, увидел в ветках крохотную пичугу зеленовато-серой окраски с желтыми мазками на черной головке. Сомнений быть не могло: передо мной желтоголовый королек — неутомимый истребитель насекомых в хвойных лесах. Мне не раз приходилось наблюдать, как эти птички в компании с синицами и пищухами обследуют кроны сосен, суетятся на тонких веточках. А если они одни, их не всегда и заметишь — так мелки. Здесь же вот он, королек, дотронуться можно. И второй порхает в ветках наполовину облетевшей сирени. Что привело вас, лесные гости, в город?

Осенью возле наших домов появляются синицы, которых летом мы видим только в лесу, нередко залетают крапивники, пищухи, поползни, даже дятлы. Корольки тоже кочуют стайками в поисках пищи. И, видно, город оказался гостеприимнее, чем лес.

НЕПОСЕДЫ

Синицы — мои любимицы. Всегда с удовольствием наблюдаю за трудолюбивыми большими синицами (так называется вид), когда они осенью появляются возле домов, исследуя каждую веточку, каждую щель в поисках гусениц или личинок. Сыпанешь на подоконник тыквенных семечек — и вот уж птица тут как тут. Схватила семечко, уселась на ветке, зажала его лапками и раздалбливает кожуру, вынимая вкусное зернышко.

Очень красивы лазоревки, хохлатые и длиннохвостые синицы. Но те редко прилетают к человеческому жилью, более часты встречи с ними в лесу. Я всегда

Любопытная синица

стараюсь их сфотографировать. Но сделать это непросто. Не скажешь, что синицы не подпускают близко. Наоборот, несколько раз случалось, они, завидя меня, подлетали на такое близкое расстояние, что это даже мешало — птицы оказывались вне пределов фокусировки. Наверное, их привлекал блеск линзы. Отойдешь, а они вспорхнут и, перелетая с ветки на ветку, подымутся вверх. Остаешься ни с чем. Уж больно непоседливы.

ЯСТРЕБ НЕ ДРЕМАЛ

В прошлую, очень суровую зиму куропатки были частыми гостями в нашей деревне. Средь бела дня почти у самых домов их видели. Голодали бедолаги.

У стога и насыпал им сенной трухи, мякины. Потом, став на лыжи и захватив лопату, пошел к озимому полю, где до этого часто видел стайки маленьких курочек, пытавшихся достать из-под глубокого снега зеленые побеги. В нескольких местах расчистил площадки.

На другой день решил проверить, навещали ли птицы мои кормушки. На первой площадке было видно, что куропатки хорошо здесь подкормились. А возле второй ветер шевелил серенькие и бурые перышки. Видать, увлеклись птицы едой и не заметили, как налетел ястреб...

Ведь не желал я им зла, хотел помочь, а вот что вышло. Осталось чувство вины за гибель птицы.

КРЫЛАТЫЕ ЦВЕТЫ

Солнечным майским днем решил побывать в лесу, полюбоваться нежной молодой зеленью, вдохнуть запахи весны. А может, удастся набрести где-нибудь на прогретой полянке на первые грибы.

Десять минут на сборы, полчаса на дорогу, и вот я уже подхожу к рощице на краю ржаного поля. Рожь начинает колоситься, трава покрывает землю мягким ковром. Неброская красота, но как отзывается на нее сердце!

Над полем будто цветы кружатся. Вот один опустился на стебель ржи недалеко от меня, и я узнал махаона — редкую по красоте и вообще редкую бабочку (занесена в Красную книгу БССР). Вторая, тоже махаон, грациозно взмахивая крылышками, пролетела и скрылась меж берез. Потом поблизости присел павлиний глаз.

Раньше я мало интересовался этими чудными со-

Бабочка махаон

зданиями природы. На махаона впервые обратил внимание несколько лет назад: проходя по лугу, заметил бабочку необычной расцветки и сфотографировал ее. А потом уж по рисунку в книге узнал, что это махаон.

Теперь же, сидя на краю ржаного поля, я за полчаса насчитал около десятка этих бабочек. Редкие, а вон их сколько.

Зачарованно следил я за прихотливым полетом крылатых цветов. До чего же красив и разнообразен окружающий нас мир!

БОЖЬЯ КОРОВКА

Кто из нас в детстве, держа на ладони маленького красного жучка с черными точечками, не приговаривал: «Божья коровка, лети на небко...» И часто жучок послушно расправлял крылья, взлетал. Конечно же, летел он не на небко, где его должны были ожидать детки. Детки божьей коровки (личинки) обитают на земле (точнее, на растениях) и не конфетки или котлетки кушают, а питаются в основном тлями. Но уже в этой детской игре-прибаутке, передаваемой из поколения в поколение, сквозит симпатия к красивому жучку. Но всё ли мы знаем о божьей коровке?

Насекомые этого семейства распространены очень широко. Известно несколько тысяч их видов. В Белоруссии водится около 40 видов. Есть коровки двухточечные, семиточечные, десятиточечные, четырнадцатиточечные и другие. Из встречающихся в Белоруссии лишь двадцатичетырехточечная растительноядна, остальные виды — хищные. В их рационе кроме тли — паутинные клещи, мелкие гусеницы, личинки и яйца насекомых-вредителей. Личинки самих жуков подвижные, окукливаются на растениях, весьма прожорливы. Тли — самое любимое блюдо и взрослых жуков, и личинок. Где много этих вредителей, туда сразу же собираются божьи коровки и начинают проводить «чистку», уничтожая их каждая до 50 за день.

Почему же все-таки «божья коровка»? Предполагают, что жучка прозвали коровкой за то, что он выделяет капельки жидкости — «молоко», которая довольно ядовита и защищает его от чьих бы то ни было посягательств. Кстати, и яркая окраска дана насекомому для предупреждения врагов. Ну, а «божья» потому, наверное, что на первый взгляд (а мы-то уже знаем, что это не совсем так) жучок безобиден.

СКОЛЬЗЯЩИЕ ПО ВОЛНАМ

Возле воды и в воде особенно активна жизнь животных. И не только в крупном водоеме, а даже в самой мелкой луже.

Приглядитесь. Первыми наверняка заметите длинноногих, с узким туловищем насекомых длиной около сантиметра, с необычайной легкостью скользящих по воде, – водомерок. Относятся они к семейству водяных клопов. В Белоруссии их около десяти видов. Питаются водомерки другими насекомыми и трупами животных. Обитают в водоемах и на влажных берегах. Зимой прячутся под корой деревьев, под пнями, во мху. Все остальное время проводят на поверхности

Фигуристка водомерка

[illegible] Представителей одного из родов можно обнаружить даже в открытом море, за тысячи километров от берега. Это единственные насекомые, отваживающиеся жить среди штормовых волн и морских течений и выводить там потомство.

Тело водомерок покрыто пушком, который задерживает мельчайшие пузырьки воздуха. Лапки снизу смазываются жирной жидкостью. Эти приспособления помогают насекомым удерживаться на воде, одним броском продвигаясь вперед иногда на целый метр.

Клоп клопом, а существа весьма изящные, не лишены привлекательности.

ПЕРВОПРОХОДЕЦ

Удивительное растение кипрей! Как будто и не видно было его на участке леса. Но вот провели санитарную рубку, сожгли древесные остатки. Много лет, казалось, надо ждать, пока проклюнется здесь, на черном пятне кострища, какая-нибудь трава. Однако уже следующей весной выросли на том месте несколько высоких стеблей, а к июню на них цветки появились. Это и есть кипрей, или иван-чай. Откуда только взялся? Словно специально осваивать пожарище прибыл.

Кипрей — хороший медонос. Его цветки розовато-фиолетового цвета располагаются в форме конуса на верхушке стебля. Цветут они не одновременно: по мере того как отцветают нижние, распускаются верхние. Благодаря этой «цветущей волне» пчелы кормятся на растении около месяца и с одного гектара могут взять до полтонны меда.

Иван чай.

Красотой также не обижен иван-чай. На гарях или вырубках, где он вырос,— будто облако розовое опустилось. Не так уж много травянистых растений образуют столь высокие и густые заросли.

Заваривают из него чай (отсюда, наверное, и название пошло), а из корней и молодых листьев даже готовят салаты. Известен он и в народной медицине.

Вот каков первопроходец!

КАСАТИКИ

В пору июньского разнотравья пестрят всевозможными красками и благоухают медовыми ароматами сохранившиеся еще кое-где на Полесье заливные пойменные луга и острова. На пышном празднике цветов и оттенков привлекают внимание сине-фиолетовые или желтые лепестки с хорошо заметными прожилками, возвышающиеся на высоких стеблях. Народ дал этим нежным, красивым цветам ласковое название — касатики.

На территории Белоруссии в диком виде произрастают касатики водяной, безлистый и сибирский. У водяного цветки желтые, растет он на болотах или по берегам водоемов в большом количестве. А вот безлистый и сибирский — с фиолетово-синими цветами — встречаются очень редко. Эти виды занесены в Красную книгу БССР.

Касатики нравились людям давно. Еще с XVII века известны выведенные из них сорта. Культурные ирисы — популярные растения цветников. Но, конечно же, они не заменят диких цветов, трогательно-нежных и беззащитных (растут-то без оград).

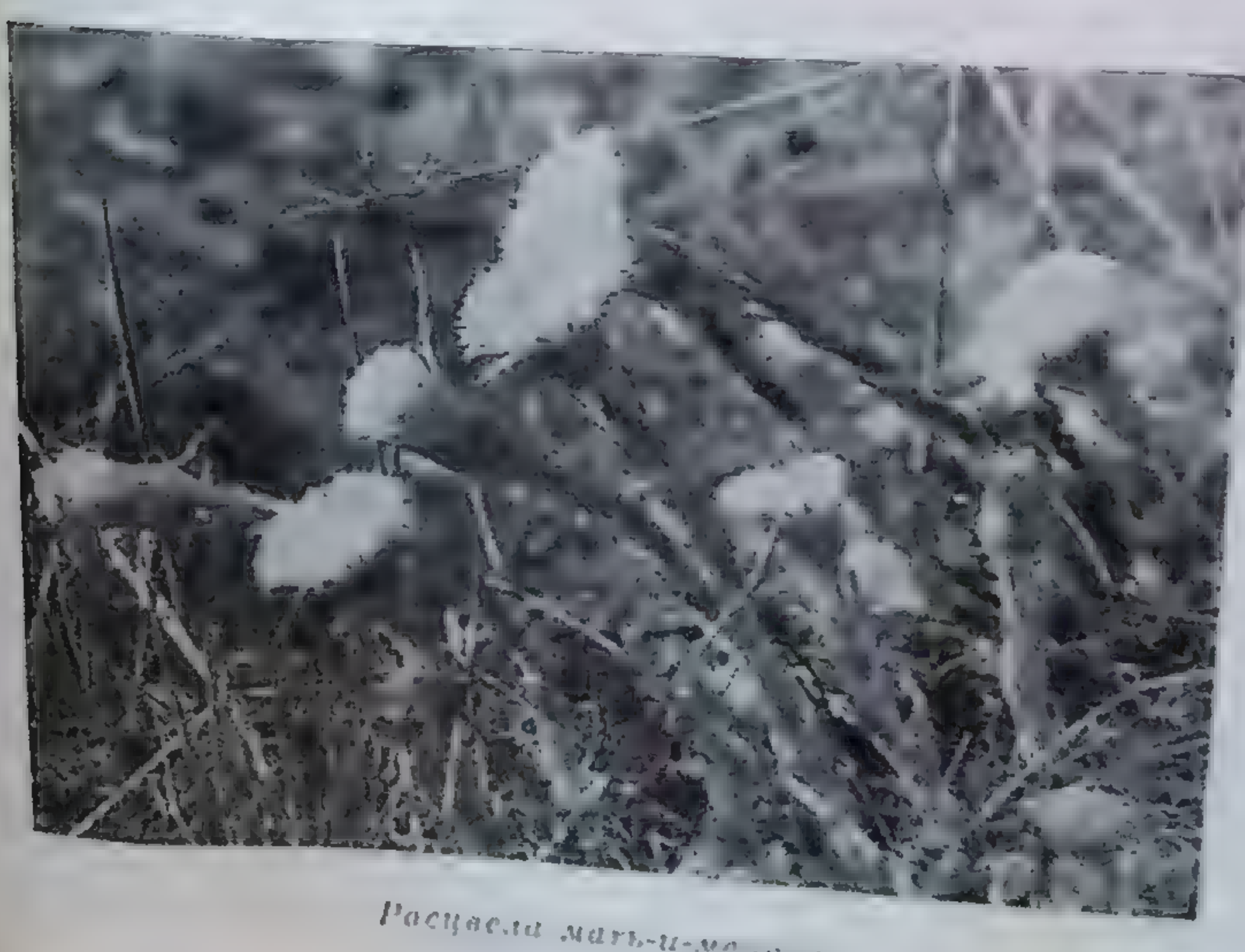

Касатики, цветы нежные

МАТЬ-И-МАЧЕХА

На первый взгляд, они похожи на одуванчики, эти золотистые цветки, что засверкали по южным склонам холмов, по откосам дорог и каналов уже в начале апреля.

Тепло пока только днем, ночью же заморозки прихватывают набухшую влагой землю. Да и снег еще не всюду сошел. А цветки горят на фоне прошлогодней жухлой травы и серой, без единого зеленого росточка, земли. Это расцвела мать-и-мачеха. Бурый, с красноватым оттенком стебель, на котором только угадываются розетки будущих листьев, венчает ярко-желтый цветок с легким ароматом меда. Потом на

Расцвела мать-и-мачеха

стебле появятся широкие, как у лопуха, листья: снизу светлые, почти белые, мягкие, теплые — «мать», сверху темно-зеленые, холодные — «мачеха».

И лекарственными, и медоносными свойствами обладает растение. Но любо оно нам еще тем, что ранней весной радует глаз первоцветами.

ЦВЕТЕТ ВЕРЕСК

Потихоньку лето скатилось в сентябрь. И уже заметно, насколько короче стали дни, как росисты ночи. Пойдешь в лес за грибами — то и дело обманываешься, приняв издали за лисички желтые листья, сбро-

Голубые глаза лугов

Проснулась сон-трава

шенные березой, или, наоборот, лисички покажутся листвой.

Еще одна примета осени: цветет вереск. Это скромное растение летом мы редко замечаем. Ходим по лесу, безжалостно топчем. А теперь, выйдя на хорошо знакомую поляну, вдруг останавливаемся завороженные: вся она стала лилово-розовой. Трудно поверить, что это море цвета состоит из малюсеньких (даже не скажешь: маленькие) цветков вереска. Над поляной стоит аромат — негустой, ненавойливый, ползают по растениям труженицы-пчелы. Это их последний крупный взяток в нынешнем году: скромный вереск — хороший медонос. Не обделен он и лекарственными свойствами.

Сентябрь — по-белорусски «верасень». Вот и пришел он, первый месяц осени,— зацвел в е р а с (вереск).

НА ПЕПЕЛИЩЕ

Уже несколько километров иду по мертвой земле. Прошлым летом здесь был лесной пожар. Все, что не смогло, не успело убежать, улететь, уползти, сгинуло в огне. Настоящий ад был здесь для всего живого и неживого, даже бутылка — кто-то ее еще до пожара бросил в траву — оплавилась. Погибли муравьи, ящерицы, лягушки. Погибли птенцы и молодняк зверей. Погибли деревья, травы, кустарники и кустарнички. Осталось пепелище. Много лет будет такой земля, пока постепенно не освоят ее растения-пионеры. Сейчас же видеть все это больно и горько. Какая рана нанесена природе чьим-то легкомыслием!

И вдруг... Блеснул в глаза кусочек неба — на гари пробился цветок сон-травы, голубой венчик на пу-

[illegible] стебельке. Растение кажется таким беззащитным.

Выжило, однако...

ФЕЯ ЛЕТНЕЙ НОЧИ

Вечерело. Солнце спряталось за верхушками деревьев в дальнем лесу, и следовало поторопиться домой. Но как нарочно на пути оказалась земляничная полянка, да такая соблазнительная! Пройти мимо, не поклонившись душистому чуду, было невозможно. Сорвал несколько штук — сразу сладким запахом пропитались руки. И еще какой-то тонкий, нежный, почти неуловимый аромат витал в воздухе. Откуда он?

Огляделся я и заметил среди зеленого разнотравья несколько белевших цветков. Подошел к одному, наклонился, понюхал. Сомнений быть не могло — благоухала ночная фиалка — так иногда называют любку двулистную.

Это растение семейства орхидных встречается не так уж часто. По красоте любка проигрывает великолепному венериному башмачку — другому виду орхидей, но есть свое очарование в ее зеленовато-белых скромных цветках на высоком, почти голом стебле (пара листьев расположена у самой земли, что и дало название растению).

Венчики в наступивших сумерках белели меж трав, будто светились. Но с ближнего луга наползал легкий туман, прятал их от посторонних глаз. Ах, укрытие это было так ненадежно, недолговечно! И стало тревожно мне за нежную фею, занесенную на страницы Красной книги БССР.

Так произошла моя первая с ней встреча. Пусть бы не последняя...

ОПЯТА

Прошли заморозки и прекратили рост летних грибов, необыкновенно уродившихся в этом году. Но только установилась теплая, влажная погода, как начали появляться осенние. Ходил по лесу — там на зеленки наткнулся, там на рядовки. Мне же хотелось найти опят — очень люблю я собирать эти дружные семейки. Не может быть, чтобы не было их.

Долго опята не попадались, я уже потерял надежду, как вдруг заметил у березки одну группку, потом вторую. Под опавшие листья спрятались от возможных морозов. Потому так трудно было их найти.

СКРИПИЦЫ

Хоть и не часто опята попадались, а набрал я их полную корзину. Возвращаясь из лесу, обратил внимание на что-то белевшее в стороне. Оказывается, целое семейство скрипиц расположилось у просеки.

Заморозков даже черные грузди не выдержали — померзли. А скрипицы, вот они — сидят во мху, в листьях, и хоть бы что им: белые, крепкие, мясистые. Когда среза́л их, брызнул млечный сок. Хороши будут в засоле!

Корзина-то у меня с опятами. Вынул из кармана сумку, набрал полную. Пошел дальше, а скрипицы в сумке трутся друг о дружку и действительно поскрипывают.

ВЕШЕНКИ

Сломанная ветром старая осина лежала ветками на земле, а ствол покоился сломом на пне. Можно было ожидать, что на дереве будут опята, ведь упало оно лет пять назад. Однако вместо опят я увидел на стволе массу каких-то других грибов, гораздо крупнее. Ради интереса срезал несколько штук. Оказались очень плотными, несколько жилистыми, шляпки прикреплены к ножке одной стороной наподобие уха, запах сильный, приятный, грибной.

Хотя раньше не приходилось иметь дело с такими грибами, я догадался, что это съедобные вешенки. Но в руках у меня были полная корзинка опят, сумка скрипиц, и вешенки брать я не стал.

Это — вешенки

Дома, покопавшись в литературе, узнал, что эти грибы растут на мертвой древесине, преимущественно лиственных пород. Появляются в мае и держатся до середины осени — по октябрь. В некоторых странах и у нас тоже вешенки специально выращивают в искусственных условиях, как шампиньоны.

Может, все же зря не взял я их попробовать?

КОГДА В ЛЕСУ ПУСТО

Не баловало нас нынешнее лето грибами. Ягод было вдоволь, на грибы же жара подействовала. Лишь в сентябре прошли дожди, и по выгонам кое-где появились шампиньоны. Но гораздо больше высыпало белых шаров-дождевиков, называемых в народе порховками. В детстве забавлялись мы этими грибами, когда они созревали. Наступишь на порховку, а из нее вырвется целое облако бурой пыльцы — спор. Потом, когда прочитал, что молодые дождевики съедобны, да и попробовал их в хорошем приготовлении, стал обращаться с ними более любезно. В такие, как сейчас, не богатые на «благородные» грибы времена, этих можно очень быстро нарезать целую корзину. И совсем неплохое жаркое получается, когда почистишь дождевики, как картошку, нарежешь и уложишь плотную белую массу на сковородку, добавив туда с десяток шампиньонов.

ВЕДЬМИНА МЕТЛА

В кроне дерева иногда можно увидеть гнездообразное скопление тонких коротких веточек с недоразвитыми листьями — ведьмину метлу. Жутковатое на-

Ведьмина метла

звание. В самом деле, похож этот куст побегов на метлу. И пользоваться такой метлой могут только ведьмы. Если, конечно, водятся они на белом свете.

А между тем это — болезнь растения, возбудителями которой являются грибы, вирусы, насекомые. На соснах, где ведьмина метла встречается довольно часто, ее вызывают ржавчинные грибы. Возникает заболевание в результате повреждения и интенсивного развития спящих почек. На побегах появляются новые почки, тоже образующие побеги. Так вырастает их множество, но из-за недостатка питательных веществ они укороченные, с густыми деформированными листьями. Со временем рост дерева замедляется, оно хиреет, слабеет, легко ломается под снегом и ветром.

У сильно пораженных деревьев нужно обрезать и сжечь больные ветки. Но иногда это не помогает, и приходится обрабатывать их медным или железным купоросом и даже вырубать.

Вот такая, совсем простая история у этого природного явления, названного нашими предками довольно романтически.

ЗОНТИКИ В ЛЕСУ

Уж чего-чего, а зонтиков нынешним дождливым летом было в изобилии. Нет, я имею в виду не тот зонт, которым пользуются люди в ненастную погоду, а гриб-зонтик. Понятно, что назвали его так за сходство со всем известным предметом. Более того, многие экземпляры и размером мало уступают зонтику, по крайней мере детскому: ножка высотой около тридцати сантиметров, огромная шляпка (хочется сказать «шляпа»), рискованно покачивающаяся под порывами ветра.

Теперь эти грибы многие собирают. Но нередко еще их принимают за белые мухоморы. Сколько раз, возвращаясь из леса с зонтиками в корзине, замечал я любопытные взгляды, слышал вопрос: «Что это за грибы?» Я обычно отвечаю, рассказываю, как их приготовить. Случается, что слушают меня с недоверием: что-то, брат, не слышали мы о грибе-зонтике.

Гриб [illegible]

КТО СЕЕТ ДУБЫ?

Каких только приспособлений нет у растений, чтобы продолжить свой род, подальше рассеять семена! Тут и парашютики, как у одуванчиков, и цепкие крючки (прилепились к одежде человека или к шерсти животного — и путешествуют, пока не упадут в землю), как у череды, подорожника. Легкие семена березы, сосны, ели далеко уносит по снежному насту ветер. Многие плоды расселяются птицами. А вот каково дубу? Круглые, гладкие, большие желуди и птицам «не по зубам», и прицепиться ни к чему не способны, и ветер их не унесет.

Однако часто среди молодых сосновых посадок, где и близко не видно взрослых дубов, можно встретить юные деревца. Оказывается, есть у дуба сеятели. Сойки, делая осенью запасы на зиму, переносят желуди на дальние расстояния, прячут их в мох или в опавшую хвою. А потом забывают о своих кладовых — разве обо всех упомнишь? Вот и вырастают дубки в самых неожиданных местах.

СЛЕЗЫ

Зимой кто-то, балуясь, обломил веточку клена. Тоненькую, маленькую, дерево вроде бы и не заметило. И лишь с наступлением мартовских дней, когда двинулись по нему от корней живительные соки земли, закапали из слома одна за другой чистейшие капельки. Как слезинки. С той лишь разницей, что человеческие слезы горькие, а у клена — сладкие.

ОСТАЛИСЬ СЛЕДЫ

Когда в последний раз был в деревне, обратил внимание, что березки, посаженные с осени, зеленеют слабо. Весна была сухой, и деревцам, чтобы прижиться, не хватало влаги. Решил полить их.

До канала не более пятнадцати метров. Принес одно ведро, второе, третье. И заметил: на только что пробившейся нежной траве обозначились мои следы. А после десяти «рейсов» и настоящая тропа образовалась.

Подумалось, как все-таки ранима природа.

СОСНЫ НА ОПУШКЕ

На опушке застыли высокие сосны — настоящие корабельные. Будто выбежали когда-то девочки-подростки из леса, да так здесь и остались. Только вытянулись, превратились в стройных красавиц.

А поодаль от них растет одна — ветки искривлены, сама словно сгорбилась. Много бурь и невзгод прошумело над ней, и каждая оставила свой след. В одиночестве с любой бедой бороться трудно. Жаль ее — стоит в стороне от веселых подруг, и кажется, что завидует им.

ЗАВТРА...

Завтра — открытие охотничьего сезона по перу. Каждый охотник заранее приобрел необходимый боезапас, не раз любовно протер ружье и пересмотрел

На семи ветрах

Тихая заводь

снаряжение. Чем ближе этот день, тем больше нетерпения. И вот он почти наступил.

Завтра прогремят выстрелы, и вспугнутые утки будут шарахаться то в один конец озера, то в другой. А многим птицам уже не суждено будет подняться на крыло. Сраженные маленькими свинцовыми шариками, они станут желанной добычей людей с ружьями.

Разобьется выстрелами тишина и в той заводи, где недавно я побывал. Окруженная лозняками и камышами водная гладь млела под солнечными лучами. Распластали на ней широкие листья кувшинки, среди которых плавали фарфорово-хрупкие белые цветки. На кончике камышинки дремала стрекоза. Я же, затаившись в зарослях, наблюдал, как неподвижно

застыла у противоположного берега цапля в ожидании добычи, как беззаботно купались пять кряков. Они плескались, словно расшалившаяся детвора, гонялись друг за дружкой, раскидывали крылья, отряхивались. В этом маленьком мире царил покой.

...Завтра прогремят выстрелы.

ОДИНОКИЙ ЖУРАВЛЬ

Журавль с криком летел над болотом. Что означала эта птичья мольба? Может, звал он где-то потерянную подругу, а возможно, просил пощады у людей, которые в этот момент экскаваторами, бульдозерами, корчевателями уничтожали болото — его дом, где выводил с журавушкой детей. За гулом моторов ничего этого люди не слышали. А журавль летел и все кричал.

БЫЛА РЕКА

Еще журчала по песчаным перекатам струйка воды и испуганно метались в ней мальки, но река умирала. В верховье дамба давно перерезала ее русло, однако подземные жилы, ручьи и ключи продолжали питать истончившийся поток. На прошлой неделе я плавал по реке на лодке. А раньше, много лет назад, здесь водились бобры, по течению сплавлялся лес.

Вчера мелиораторы соединили речку с каналом, и теперь я шел по ее дну. Черные бревна-топляки, безжизненные плети кубышек, створки ракушек. Все, что раньше было скрыто под водой, обнажилось, стало доступно и неприглядно. У реки не осталось ни

Речной разлив

глубины, ни тайны, ни имени, не осталось и ее самой.

...Куковала кукушка, присевшая на старую вербу, что склонилась над песчаным руслом. Сегодня ее кукование казалось особенно грустным.

ЛЕСНЫЕ ТРОФЕИ

Из леса я никогда не возвращаюсь с пустыми руками, трофеи приношу обязательно. Хотя, пожалуй, правильнее их будет назвать сувенирами. Иногда они на фотопленке, иногда в записной книжке, иногда в рюкзаке. Удачный кадр, запись об интересном на-

Ворон, зловещая птица сказок. Лесной сувенир

блюдении, необычной формы сучок или ветка, гриб чага...

Вот и недавно принес из зимнего леса ветки малины. Заварил. Запах лета наполнил квартиру. Я не спеша пил горячий чай, отогревался и, вдыхая медовый аромат, вспоминал заснеженный лес. Потом проявил пленку. И сделал запись, что был в моей жизни такой счастливый день.

ДОБРОТА

Шел по улице и недалеко от магазина увидел такую картину: присела возле забора девочка лет шести-семи, открыла банку только что купленной сметаны и прямо с капроновой крышки кормит котенка. Не понять — своего или бродяжку. Мимо спешат прохожие, а девочка ни на кого не обращает внимания. Котенок слизал сметану — она еще подлила, и оба довольны друг другом. Если бы мама все это увидела, наверное бы, ругалась. Хотел я спросить у девчушки, ее это котенок или нет, да побоялся помешать и прошел мимо.

ДНИ — КАК ЛЮДИ

Дни — как люди: рождаются, живут, умирают. И как непохожи друг на друга люди, так же непохожи один на другой дни.

Такое сравнение пришло мне в голову на исходе одного из них. Запомнился мне он потому, что было очень жарко — до тридцати, а то и выше. И весь день я провел в поле.

Я видел, как он рождался. О его начале возвестили пением птицы. Легкий туман стелился по низинам. Кричал в дозревающей ржи перепел, в лугах скрипел коростель.

По мере того как солнце поднималось выше и становилось все жарче, птицы смолкали. Туман исчез быстро, незаметно. Стали надоедать мухи, слепни, оводы. Стрекотали в траве кузнечики, порхали бабочки, летали стрекозы. Пахло нагретыми травами, листьями — знойным летом. И ни облачка не было на небе. Все изнывало от жары.

Ближе к вечеру опять оживились птицы, подали голос коростель и перепел, поутихли кузнечики, исчезли мухи и оводы. Солнце опускалось все ниже, коснулось дальнего леса и скрылось за ним. Повеяло прохладой. На небе долго горела заря, обещая ясный день.

Но то будет новый день. А сегодняшний уже никогда не повторится. Так же как не повторится ничья жизнь — ни букашки, ни птицы, ни зверя, ни человека.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научно-популярное
просветительское издание

Омелюсик Николай Васильевич

РЯБИНА У ОКНА

Этюды о природе

Заведующая редакцией *Т. Г. Минчукова*
Редактор *Л. И. Круглова*
Художественный редактор *Л. И. Бетанов*
Технический редактор *С. И. Староверова*
Корректоры *Л. А. Адамович, Т. Е. Медведева*

ИБ № 399

Сдано в набор 08.08.88. Подписано в печать 06.02.89. АТ 15692. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага мелованная. Гарнитура обыкновенная новая. Высокая печать. Усл. печ. л. 7,09. Усл. кр.-отт. 14,79. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 15 000 экз. Изд. № 3475. Зак. 1761. Цена 50 к.

Издательство «Полымя» Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600, Минск, пр. Машерова, 11.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.

50 к.

Сколько разных встреч
нас ожидает в ближайшем лесу,
на лугу, у озера, в старом парке!
Каждая из них —
с малышом-крапивником или
великаном-лосем, майским
ландышем или березкой —
как глоток живой воды. И не надо
искать этих встреч за тридевять
земель. Может быть, есть места
и красивее наших, но роднее — нет.
Так хочется, чтобы никогда
не мутнели родники, из которых
мы пьем, чтобы дарили нам
радость журавли, чтобы звучал
в нашей душе веселый перезвон
синиц, чтобы не кончался золотой
листопад, чтобы алела под окном
рябина...